

Глава IV. МАРТ – МАЙ 1919

В середине марта 1919 г. наступление советских войск на Южном фронте замедлилось. Войска 11-й и 12-й советских армий были оттеснены к Астрахани. Войска Донской армии закрепились на рубеже Северного Донца. Находящиеся на этом участке советские 8-я и 9-я армии не смогли форсировать реку из-за весеннего половодья, поэтому активные военные действия продолжались в Донецком бассейне 13-й армией (командарм И. Кожевников, а с 16 апреля А. Геккер) и 3-й бригадой Заднепровской дивизии, входящей в состав 2-й Украинской армии (командарм Скачко), в СЕЛЬСКИХ степях продолжала наступать 10-я армия (командарм А. Егоров).

Донецкое направление с самого начала наступления советских войск не было обеспечено достаточными силами, но председатель РВСР Л. Троцкий был настроен весьма победоносно.

На пленуме Московского совета он заявил: «Наша задержка в Донецком бассейне объясняется тем, что туда отправлены новые силы, еще недостаточно испытанные; с другой стороны там чрезвычайный разлив рек, бурное весеннее половодье, которое затрудняет переброску частей. Продвижение вперед наших авангардных частей вынуждено было приостановиться, чтобы они не были отрезаны разливами от питательного тыла, но эта заминка ни в коей мере не говорит о нашей слабости. Можно сказать с уверенностью, что у нас на Южном фронте значительный перевес сил...

Как только состояние рек и мостов позволит, это дело ближайших же недель, а может быть дней. Южный фронт станет свидетелем дальнейших решительных событий, и здесь мы с полной уверенностью скажем, что эти события будут вполне успешны для нас»[252].

Перегруппировка советских войск закончилась к концу марта. Главный удар предполагалось нанести по белогвардейским войскам под командованием генерала Май-Маевского, находящимся к югу от Луганска.

Но пока шла подготовка к наступлению против группы Май-Маевского, корпус генерала Покровского обрушился на советские части восточнее Луганска, в результате чего войска 8-й армии понесли большие потери. Чтобы облегчить их положение, в бой была введена 9-я армия.

А в это время в станицах Вешенской и Казанской началось восстание казаков, недовольных действиями новой власти и выдвинувших лозунг борьбы «За Советскую власть — без коммунистов».

Суть заключалась в том, что 29-го января 1919 г. за подписью председателя ВЦИК и руководителя Оргбюро ЦК РКП(б) Я. Свердлова и председателя РВС республики Л. Троцкого — была выработана «Директива ЦК РКП(б)», в которой указывалось:

«Последние события на различных фронтах и казачьих районах, наши продвижения в глубь казачих поселений и разложение среди казачих войск заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества, путем поголовного их истребления.

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.
2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам.
3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлое бедноте, организовав переселение, где это возможно.
4. Уравнять пришлое иногородних с казаками в земельном и во всех других отношениях.
5. Провести полное разоружение, расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.
6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.
7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.
8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

Центральный Комитет постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли»[253].

Донбюро при ЦК РКП(б), в дополнение к январской директиве Свердлова, послало в ревкомы и свою.

«В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний Донбюро предлагает провести через соответствующие Советские учреждения следующее:

1. Во всех станицах, хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить их, как заложников, в районный революционный трибунал.

2. При опубликовании о сдаче оружия объявить, что в случае обнаружения по истечении указанного срока у кого-либо оружия, будет расстрелян не только владелец оружия, но и несколько заложников.
3. В состав ревкома ни в коем случае не могут входить лица казачьего звания, не коммунисты.
4. Составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех бежавших казаков, то же относится и к кулакам, всякого без исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания»[254].

Руководство Донбюро (С. И. Сырцов), совершенствуя геноцид, телеграфирует предревкома станицы Вешенской: «Свяжитесь с отрядом 8-й армии т. Малаховского, выделенным для подавления контрреволюционеров, примите руководство политической стороной. За каждого убитого красноармейца и члена ревкома расстреливайте сотню казаков. Приготовьте этапные пути для отправки на принудительные работы в Воронежскую губернию, Павловск и другие места всего мужского населения в возрасте от 18 до 55 лет включительно. Караульным командам приказать за каждого сбежавшего расстреливать пятерых, обязав круговой порукой казаков следить друг за другом...»[255].

Своими действиями правительство спровоцировало казаков к восстанию.

Возникла необходимость снять с фронта часть войск для его подавления.

Учитывая сложившуюся обстановку и роль Донбасса, Деникин изменил первоначальный стратегический план наступления, о котором знало высшее командование Красной Армии, то есть нанесение главного удара с Северного Кавказа на Царицын. Он решил опереться на восставший Дон и занять Донецкий бассейн как плацдарм будущего наступления на Москву, энергетическую и промышленную базу.

В срочном порядке с Кавказа в Донбасс стали перебрасываться войска белой армии.

К середине марта Генштаб имел уже достаточно информации о накоплении войск белых в Донбассе. Готовились к наступлению на Киев петлюровцы, готовилась к боям Польша.

Но что делалось в противовес планам белых? Почему Верховное командование не укрепило Южный фронт? Почему рабочие и крестьяне многомиллионной Украины не стали все как один на защиту молодого социалистического отечества? Почему прекратился приток добровольцев в армию?

Объявленная 3-го марта 1919 г. мобилизация, в том числе офицеров и генералов, несмотря на то, что ответственность за явку призываемых возлагалась и на «а) глав семей, которым принадлежат призываемые; б) председателей Совдепов и комитетов бедноты, фабрично-заводских и домовых комитетов, и все это “под строгой ответственностью по законам военного времени”»[256], дала очень мало. На фронт новых формирований не поступало.

Это был сигнал — показатель оценки действий политики раковских-пятаковых на Украине. Несправедливость, месть за критику, жестокость, лицемерие, обман, подтасовка и пр. не

были поняты и поддержаны народом.

Положение было критическое.

Началась кампания поиска «козла отпущения». Подходящими кандидатурами для этого были Махно и Григорьев. Здесь же появилась «враждебная мелкобуржуазная стихия» и чуть ли не сплошное кулачество, «партизанщина».

Последовали провокации и натаскивание с целью компрометации Махно и движения в целом. Доклады, комиссии следовали друг за другом, распускались всевозможные слухи, служба их подхватывала, и покатила волна за волной.

У нас же протекали нормальные боевые будни в заботе о фронте, тыле, пополнении, обучении, снабжении, вооружении, обмундировании.

И вдруг заметка в екатеринославской «Звезде»:

«В Чрезвычайную комиссию поступили сведения, что в некоторых пунктах Александровского уезда, в особенности в с. Гуляй-Поле, левоэсеровскими и анархистскими агитаторами ведется усиленная пропаганда против Советской власти. Такие же сведения поступили и из Павлограде кого и Новомосковского уездов. В селе Гуляй-Поле анархистская группа “Набат” выпустила воззвание к красноармейцам с призывом свержения Советской власти. В указанных выше местах замечается также антисемитская пропаганда...»[257].

Далее газета сообщала, что для прекращения этого зла приняты энергичные меры.

Все было настолько утрировано и звучало так фальшиво, что мы не придали заметке большого значения.

23 марта 1919 г. политком 1-й Заднепровской дивизии тов. Лукомский докладывал: «...3-я бригада Махно. Почти весь командный состав: анархисты, ранее не подчинялись Советской власти, теперь достигнуто соглашение.

В составе штаба не было представителей от коммунистов. По настоянию политкома решено переорганизовать штаб, а пока введено несколько коммунистов.

Повстанцы, ранее сочувствующие анархистам, под влиянием коммунистической агитации постепенно начинают менять свои убеждения в пользу Советской власти.

Организованы библиотеки, ячейки в полках, организуются бригадные ячейки. 3, 9, 12 и 13 марта устроены анархистами и левыми эсерами митинги, но все они, благодаря работе большевиков-коммунистов, не имели у народа успеха...

Все боевые приказы выполняются беспрекословно. Классовое самосознание красноармейцев улучшается с каждым днем, но не хватает политработников.

В 7-м и 8-м полках организованы полковые суды и трибуналы. В прифронтовой полосе (Гуляйпольский район) работников нет совершенно...»[258].

Тогда же политсекретарь Украинского фронта т. Басов докладывал о политработе фронта: «Все требования, если удовлетворялись, то совсем в минимальной форме, нисколько не удовлетворяющей действительной потребности. По нашему же требованию дать работников на ответственные должности комиссаров политуправление за весь период своего существования дало 22 коммуниста, из коих, по моему мнению, ни один не может занять ответственной должности... Мною также для выполнения требований с мест было запрошено у политуправления Наркомвоен 16 кандидатов для назначения на ответственные должности политкомов дивизий, бригад и полков. Удовлетворения не получено. Дальше, всеми своими действиями политуправление вместо поддержки работы политсекретариата дезорганизует работу, как-то: посылая своих работников на фронт без моего ведома и само непосредственно назначая политкомов».

Выяснившиеся из ряда подобных сообщений недостатки в политработе побудили Антонова-Овсеенко к написанию обращения к предсовнаркому, наркомвоену и ЦК коммунистической партии: «Политической работы ни в армии, ни в населении почти не ведется. Вне больших городов нашей литературы совсем не видно. В самих этих городах ее до ничтожного мало. Никаких листовок, никаких брошюр не издается.

Подобное положение нетерпимо. Предлагаю Вам принять самые решительные меры: 1) особую комиссию для выяснения в недельный срок причины сего и необходимых практических мер; 2) под суд партии ответственных лиц.

Необходимо прекратить немедленно этот саботаж, лишаящий революционную армию самого главного и дальнбойного оружия»[259].

Мы на своем участке фронта Волноваха-Мариуполь вели успешные наступательные бои и готовились к взятию Мариуполя.

В это же время к нам в бригаду прибыл с инспекторской проверкой тов. Дыбенко.

Все были заняты своим делом и ничего не подозревали. И вдруг произошел такой казус. Находящиеся три месяца в боях бойцы отряда Правды были сняты с фронта и отправлены в район Орехово (место формирования) на отдых и переформирование.

Кто-то сообщил по линии железной дороги в штаб Заднепровской дивизии в Александровск, что на них движутся повстанцы с целью рассчитаться за все обиды. А там этого как будто только и ждали. И полетели во все инстанции телеграммы.

26 марта Скачко докладывал в Харьков:

«В районе Орехова образовалась анархическая банда, которая занялась выступлениями против местных советов. Против банды был выслан Александровским исполкомом кавалерийский отряд, который перешел на сторону бандитов. Штабом Дыбенко после этого были выдвинуты все имевшиеся в его распоряжении в Александровске силы — инженерный

батальон при автоброневике. После боя войска Дыбенко вынуждены были отступить»[260].

Штаб Харьковский группы охватила паника, и Скачко затребовал из Харькова немедленной помощи. «Положение катастрофическое», — сообщал он, ссылаясь на то, что все резервы на фронте, а в Екатеринославе всего 400 человек.

Он сообщал Командукру: «Положение в Александровске осложняется. Штаб Заднепровской дивизии покинул Александровск. Связь с Крымским фронтом порвана. Дыбенко находится в Пологах, известий от него никаких, существуют опасения за его судьбу. Восстание поднято расформированными Дыбенко полками, Махно предводительствует ими. Оставленные командиры махновских частей — Правда, Щербина и бывший офицер Чернов. Лозунги: “Бей жидов и комиссаров”. К восставшим быстро стекается анархический и бандитский элемент, у них сейчас уже 3 орудия, 300 человек кавалерии, больше 2 000 пехоты. Начальник штаба Заднепровской Петренко находится у Новоалексеевки. По моему приказу им снят с фронта и брошен на Александровск один полк, но до последнего момента, пока существовала связь со штабом Заднепровской, полк в Александровск еще не приходил. Сейчас в Александровск выезжает член Реввоенсовета Тищенко с политработниками и ротой интернационалистов. Необходимо по соглашению с Южфронтом взять надежную часть с артиллерией с Гришинского участка и двинуть ее через Чаплино на Пологи под руководством хорошего комиссара, ибо отношение самого Махно к восстанию не выяснено; существуют опасения, что бунт может охватить весь район, занятый войсками Махно, и сам Махно быть может против воли, может быть вовлечен в эту авантюру. Надо принимать экстренные меры. Под угрозой оказывается левый фланг моей группы и правый фланг Донецкого бассейна. На подавление восстания необходимо посылать только русские или интернациональные части. Местные войска для этого не годятся. Прошу принять меры к самой экстренной высылке в Александровск надежной части с достаточным количеством артиллерии, что особенно существенно, и к движению части 9-й дивизии через Чаплино на Пологи. Харьковский окрвоенком выслал сегодня два эшелона курсантов, которые вышли из Харькова в 14 и 16 часов 27 марта»[261].

Командукр отвечал:

«Словами “катастрофическое” не бросаться». Вслед за этим он убеждал: «В связи с событиями в Александровске больше хладнокровия. Все это пустое. Работайте на фронте, и спокоен будет тыл. С фронта части снимать не годится. Достаточно тыловых частей. (27 марта. Нр 569 (лк))»[262].

Никакого инцидента не было, так как отряд Правды, прибыв в Орехово, не произведя ни единого выстрела, был распущен по домам на отдых.

Дыбенко же, принимавший участие во взятии Мариуполя, узнал о мнимой «опасности», после «улаживания недоразумения» созданного паникерами из Александровска.

Собственно ничего не произошло. «У страха глаза велики», — гласит украинская пословица, — но жалобы и бумаги стали подшиваться.

«Недоразумение» породило массу насмешек и анекдотов, даже в песне «Яблочко» появились куплеты.

Позднее Антонов-Овсеенко напишет: «Впоследствии Дыбенко подшучивал над этим “недоразумением” и тыловой паникой»[263].

Мы же этот «инцидент» рассматривали как очередную провокацию.

А пока происходило «недоразумение», повстанцы в жестоком бою заняли город и порт Мариуполь.

Взятие города, разработанное и подготовленное штабом бригады во главе с Махно, было блестяще осуществлено и с малыми потерями.

Представитель Мариупольской Советской власти докладывал в Наркомвоен:

«19 марта было первое наступление и войска советские с батько Махно сбили противника в город, после долгой перестрелки под самым городом отошли, по причинам мне неизвестным, верст на 7-10 от города. Радости было сверх ожидания, народ сразу воскрес, паника среди добровольцев ужасная. 25-го марта было второе наступление, и 27-го марта город был занят партизанами во главе с батько Махно. Народ встречал их радостно с приветствиями, в городе сейчас же был организован комитет подпольной партии коммунистов-большевиков, Военно-революционный комитет и Комиссариат народной советской милиции. Из вступивших в город войск был 8-й Заднепровский, о других не знаю. С 27-28-го ночью начались грабежи, самочинные обыски, с которыми ревком был бессилён бороться, не имея в своем распоряжении вооруженной силы. В грабежах принимали участие также и солдаты, партизаны бригады батьки Махно. Кроме того носились слухи, что по деревням велась агитация: “Не давайте городу хлеба, пусть накормят комиссары”, — но эти слухи остались непроверенными. Была разогнана чрезвычайная комиссия и угрожающие выступления против председателя ревкома за обложение контрибуцией мариупольской буржуазии в 25 000 000 рублей.

Лично я вынес впечатление, что, если не принять срочных мер, то Советской власти на Украине в самом непродолжительном времени придется иметь серьезную борьбу с батько Махно, который, из всего видно, старается завоевать симпатию среди крестьян и, оперевшись на них, поведет поход против Советской власти.

Кроме того, среди бригады усиленное негодование против еврейского населения и говорят, что с подавлением Дона примутся за евреев. Солдаты же 1-го Ударного партизанского полка (тавричане), прибывшие на Мариупольский фронт из-под Севастополя (т. е. не махновские, а из дисциплинированной 2-й бригады Заднепровской дивизии. — А. Б.) прямо говорят, что в их принципе не оставлять по своему пройденному пути немцев-колонистов и евреев»[264].

Начальник 1-й Заднепровской дивизии П. Дыбенко телеграфировал из освобожденного Мариуполя Совнаркому УССР: «... В боях отличились 8-й и 9-й полки, артиллерийский дивизион, разбив наголову противника, захватив богатую военную добычу. Стойкость и

мужество полков было неопишимо. При наступлении полки обстреливались со стороны противника и французской эскадры с 60 орудий. Несмотря на губительный огонь противника, полки шли без выстрела до соприкосновения с противником, после чего под командой доблестного командира 8-го полка, неоднократно отличавшегося в боях, т. Куриленко бросились в атаку. Укрепления противника были взяты штурмом. Во время штурма мы потеряли 18 убитых, 172 раненых. Противник опрокинут был в море. Эти славные полки без отдыха снова перешли в наступление. Прошу награждения 8-го и 9-го полков, артиллерийского дивизиона особыми Красными знаменами и командира 8-го полка т. Куриленко орденом Красного Знамени. Командиру 9-го полка т. Тахтамышеву и командирам батарей артиллерийского дивизиона объявить благодарность. Захвачено более 3,5 млн. пудов угля. Французская эскадра после предъявленного нами ультиматума спешно покинула порт. За один день из порта вывезено 300 тыс. пудов угля. Погрузка угля продолжается. Средства пока отпущены. Из дивизии требуется срочно комиссия для отправки и распределения угля. Захвачено два тральщика, которые спешно приводятся в исправность, мной временно назначены на тральщике старшины, машинисты, трюмные кочегары, сигнальщики, рулевые и комендоры, требуются командиры, механики, штурман. При дальнейшем наступлении казаки с оружием в руках сдаются целыми сотнями. Наши части подошли вплотную к Таганрогу»[265].

Трофеи были богатые: бронепоезд, 18 исправных паровозов с подвижным составом, два катера, 2 парохода и т. д., но надежда заполучить оружие и боеприпасы не оправдалась. Их не было и у белых.

3,5 млн. пудов угля, находящегося в порту, были приготовлены белыми для кораблей Антанты.

Как только закончился бой по освобождению порта, с французского крейсера спустили катер и с поднятым белым флагом он причалил к пристани. Парламентеры заявили, что находящийся в порту уголь предназначен для погрузки на суда Антанты на правах собственности, так как стоимость его выплачена генералу Деникину.

Мы им ответили, что воюем против Деникина как против врага народа и что уголь является военной добычей, которую мы захватили в бою и поэтому считаем себя вправе распоряжаться углем по своему усмотрению.

Для предотвращения кровопролития парламентеры предложили отправить нашу делегацию на крейсер.

Делегация в составе Чубенко, Васильева и Михалева-Павленко с нашим переводчиком, оставив французских парламентариев в качестве заложников, отправилась на крейсер.

Приняли их с почестями и после дипломатического протупывания и возмущения действиями большевиков и их вождей французы предложили наладить товарообмен, оплачивая сырье оружием и обмундированием.

На заявление наших делегатов, что они полномочны решать лишь вопросы, касающиеся инцидента с углем, находящимся в порту, стали высказываться угрозы взятия этого угля,

оборудования и сырья, находящихся на заводах города, силой оружия, а в случае нашего сопротивления — беспощадного обстрела города.

Наши делегаты выразили протест против угроз и заявили, что украинский народ не находится в состоянии войны с французским народом и во избежание всевозможных неприятностей и осложнений просят французское командование вывести свои военные корабли с территориальных вод и что в случае разрешения инцидента военным путем повстанческие войска батьки Махно найдут средства ответить взаимностью.

Пообещав весь разговор передать руководству штаба, делегация отбыла на берег.

На крейсере же под завывание сирен готовились к бою: снимали чехлы с орудий.

После доклада делегации штаб принял решение: «Угля французам не давать, все представляющее ценность для противника из Мариуполя эвакуировать. Изучить вопрос создания ремонтной военной базы, ружейного и патронного заводов в районе Гуляй-Поля...»

Французские парламентарии уехали ни с чем, а свободные от боев войска приступили к погрузке угля и других грузов порта, отправляя их железной дорогой в районы Гуляйполя, Орехово, Александровска, Екатеринослава.

В начале апреля Мариуполь посетили П. Дыбенко и его жена А. Коллонтай[266], занимавшая должность начальника политотдела дивизии. Они всячески старались организовать наступление на Таганрог – Ростов. Но сами видели и понимали, что реальных сил для этого чрезвычайно мало, а переводить полки 2-й бригады Заднепровской дивизии, как о том гласили приказы, Дыбенко не собирался, так как готовил наступление на Крым, тем более, что было уже известно о существовании приказа о передаче 3-й бригады (махновской) 1-й Заднепровской дивизии в подчинение Южфронту.

Дыбенко стоял на своем; рвался в Крым и не желал оказывать помощь ни Одесскому, ни Таганрогскому направлениям, то есть своим 1-й и 3-й бригадам Заднепровской дивизии.

27 марта, прорвав 4 линии окопов с проволочными заграждениями, войска 2-й бригады овладели Чонгарским мостом и ст. Сальково, Джимбулаки, Гончар. Далее операция разворачивалась на Перекопском перешейке. Здесь наступали три полка, сформированные из крестьян и рабочих Таврии и Екатеринославщины. Бойцы, стоя по пояс в воде, с винтовками и пулеметами на плечах, под ураганным огнем противника форсировали Сиваш и вышли в тылу перекопских укреплений. 4-го апреля был взят Перекоп, и белогвардейцы в панике побежали к морским портам...

Таким путем, ввязавшись в бои за овладение Крыма, Дыбенко и не собирался оказывать помощь в наступлении своей 3-й бригаде на Таганрог.

1-я же бригада Григорьева рвалась к Одессе и тоже ничем нам помочь не могла, хотя мы и посылали к ним гонцов с просьбой о военной помощи.

Эйфория революционных побед потихоньку проходила и несостоятельность коммунистических идеалов в практической жизни привела людей к переоценке ценностей, к поиску иных авторитетов.

О политическом положении в повстанческих районах и вообще на Украине можно судить по приведенным ниже документам.

Так председатель Донецкого губисполкома Артем писал 3-го апреля 1919 г.:

«Секретариату ЦК РКП. Уважаемые товарищи!

По приезде моем в Харьков я нашел положение дел существенно изменившимся по сравнению с тем, каким оно было до нашего отъезда отсюда.

В рабочих кварталах мы потеряли очень много из того влияния, которое мы имели. Против нас нарастает настроение, с которым будет очень трудно бороться. На самых крепких заводах, где не было или почти не было меньшевиков, куда они не могли появляться, их теперь слушают со вниманием и усердно им аплодируют. Конечно, эти аплодисменты не могут отнестись исключительно к ораторским талантам господ заезжих (или разъезжих) коммивояжеров социал-провокаций. За многое ответственны мы сами. Наши аппараты безобразно работают. Особенно это относится к продовольствию, с которым мы определенно не в силах справиться. Кроме того, что и центральный и местные аппараты определенно ниже всякой критики...

На заводах положение прямо безвыходное. Прежние гетманские ставки малы, жизнь воздворожала невероятно. Новых ставок еще не платят; ввиду отсутствия денежных знаков не платят жалования рабочим, не дают пищи больным в больницах, не платят жалования медицинскому персоналу, который бежит. А в то же время поднимают производительность труда до уровня 1913 г., увеличивая за февраль или март производительность труда по сравнению с ноябрем 1918 г. в десять (10) раз! При этом не то что премий не платят, а вообще не платят за абсолютным отсутствием денежных знаков...

Слабость организации, отсутствие партийных сил, которые могли бы быть на одинаковом уровне со своими идейными противниками, упрямство местной организации, которая не подчинилась своевременно нашему распоряжению о закрытии меньшевистской газеты (а также левозеровской, которую они открыли, после того как Всеукраинская Чрезвычайная комиссия ее закрыла по распоряжению из Москвы), — все это создало в Харькове и в губернии положение, с которым, увы, сейчас бороться очень трудно.

По-моему, необходимо начать немедленно борьбу с меньшевиками в общероссийском масштабе; по части продовольствия необходимо прислать сюда авторитетное лицо с авторитетными полномочиями...

У нас коммунисты на железной дороге работали все время образцово. Боюсь, что, если каким-либо экспериментом вы ослабите энергию их работы, производительность труда, которую они поднимают своим примером и неуклонной проверкой работы других, может упасть...

Что касается общей политики, наша неудачная и, по моему мнению, прямо неумная резолюция, проведенная Пятаковым и Бубновым против голосов всего Донецкого бассейна (армейскими, крестьянскими и киевскими голосами), о недопустимости соглашений с украинскими соц.-рев. и незалежниками с.-д. принесла уже свои плоды. Громогласное заявление о том, что никаких соглашений между коммунистами и партиями, стоящими на советской платформе, не может быть, что никого из национальных украинских партий не пустят ни при каких условиях, было понято после переговоров, которые вели как раз Бубнов и Пятаков, как прямой вызов. В результате мы уже имеем ряд восстаний и будем иметь еще не одно восстание впереди. К сожалению, Михалыч не вмешался своевременно, чтобы не дать провести Пятакову эту резолюцию. Теперь отмена резолюции съезда будет понята как уступка национал-социалистам. Придется Раковскому поискать какой-нибудь модус; конечно, если вы с ним серьезно поговорите. Он понимает вред указанной резолюции.

Затем, зачем вы посылаете нам разную меньшевистскую сволочь, вроде этих Чиркиных, Рыбальских и им подобных. Если они вам не нужны, сажайте их, куда вы посадили Дана. Но посылать их сюда, да еще как ответственных советских работников, значит ухудшать и без того довольно-таки скверное положение...

Но если своевременно не будут приняты меры к снабжению города бумажными знаками, если не приструнят 13-ю армию, если не пришлют мануфактуру (рабочие буквально раздеты) и если не пришлют авторитетного продовольственника (хотя бы Сталина) навести порядок и проинспектировать заодно учреждения, — работа здесь не принесет пользы»[267].

В секретном отчете № 3 о работе политического отдела Высшей Военной Инспекции Рабоче-Крестьянской Красной Армии Украинской ССР с 1-го марта по 1-е апреля 1919 г. говорилось:

«Комиссия по обследованию политического состояния Екатеринославской губернии.

Ввиду непосредственного соприкосновения Екатеринославской губернии с красным фронтом назрела необходимость обследования таковой.

Общее положение Екатеринославской губернии печально во всех отношениях. Острый продовольственный кризис. Безработица и большая смертность среди голодных рабочих. Заводы стоят, Рабочие, ожидавшие, что Советская власть пустит заводы сильно недовольны. Среди рабочих усиленно ведется антисемитская агитация. Общеполитический уровень сознания рабочих — низкий. Среди населения (обывателей), благодаря провокационным слухам, царит недоверчивое отношение к прочности Советской власти.

Войска.

Анархо-антисемитская агитация разлагает части гарнизона. Контрреволюция нагнет. В Гуляй-Поле (Александровского уезда) съезд фронтовиков во главе с “Батько-Махно” вынес противокommунистическое постановление. Благодаря брожению в частях общее положение в уездах неустойчивое. Даже 80-й полк 9-й дивизии, прибывший из России, разложился. Части мародерствуют, расхищают народное достояние.

Военкомы. Исполком.

Губвоенком налажен. Уездвоенком поставлен скверно. Исполком работает слабо, со своими задачами не справляется. Отделы то же самое. Так, Биржа Труда заставляет безработных стоять в очереди 5–6 часов для перерегистрации.

Партия.

Серьезных работников местная организация КПУ не имеет. Дельных агитаторов тоже нет. Влияние партии слабое. Большинство членов партии мелко-буржуазный элемент. Рабочих мало. Профессиональные союзы и заводские комитеты — меньшевистские.

Как положительный акт следует отметить полевения[268] мелкой буржуазии и интеллигенции. При лучшем экономическом положении — полевение было бы всеобщим.

Б. Фронтные инспекционные комиссии. Бригада Махно (комиссия № 7).

В средних числах марта была обследована третья бригада Первой Заднепровской дивизии “Батько Махно”. Части бригады расположены в уездах Мелитопольском, Бердянском, Александровском, Мариупольском, Павлоградском.

Влияние анархизма.

Коммунистические организации в уездах очень слабы. Работа их до деревень почти не достигла. Благодаря этому партизанское подпольное движение встретив активный центр в группах анархистов “Гуляй-Поля” находится под их руководством и влиянием. Части “Батько Махно” крепко пропитаны духом и тенденциями безшабашного вольного Запорожья. Бригада по названию и теперь больше походит на отдельные партизанские отряды. “Батько” считает “своими” все соприкасающиеся с бригадой другие части. Приблизительный состав бригады 6 000 человек.

Настроение партизан.

Настроение частей революционное, боевое, бодрое. Сильны духом — они маленькими отрядами победоносно двигаются под огнем противника вперед. Деклассированного элемента в бригаде много. Сильно развит антисемитизм. Сам “Батько” в каждом “жиде” даже красноармейце видит “шпиона”, что разнуздывает массу.

Мародерство в части сильно. Хотя жалование не выдается, у штаба и красноармейцев денег вдоволь от контрибуций и расправы со “шпионами” и “буржуями”, часто без суда и следствия. Пьянство и дебош процветает, все равняются по “Батьке” и “штабу”.

Политическое состояние бригады.

Политическое состояние бригады обеспечивает всю вакханалию. Анархисты царствуют. Столица “Гуляй-Поле” для анархистов самое свободное место в мире. Туда стекаются все униженные и оскорбленные в России анархисты. Всего в бригаде активных вожаков до 100

человек, рабочий клуб, газета “Набат”(ругающая комиссародержавие царей Ленина и Раковского) ревком, штаб и штыки... в их руках. Темные, а тем более погромные элементы льнут к Гуляй-Полю. Крестьянство трудовое прислушивается к анархическим боевым “вольным” лозунгам, но при усиленной работе коммунистической партии, оно было бы за нами.

Анархический штаб под видом выборности командного состава проводит своих людей ставленников Махно. Среди командного состава все же есть порядочные люди, сторонники коммунизма. Красноармейцы темны и, ругая комиссаров, называют себя большевиками. Наши политкомы при Махно больше играют демонстративную, чем политическую роль. Следует отметить, что недостатки интендантского снабжения пополняются реквизициями, мародерством.

Взаимоотношения с центральной властью.

Несколько умаляет пыл Махно штаб Дыбенко. Так бездельничающий штаб Махно был заменен Дыбенко другими с коммунистом-специалистом тов. Озеровым во главе. Вообще, в последнее время Махно и его наиболее сознательные товарищи будто склонны больше считаться с представителями центральной Советской власти. Но ввиду того, что анархический “дух разрушения” очень силен в махновцах — трудно поверить искренности полного подчинения Советской власти.

Заключение.

На данные обследования было Высшей Военной Инспекцией обращено внимание Наркомвоена, ЦК Коммунистической партии Украины, Наркомвнудел, Реввоенсовета, Укрфронта и Главкома Антонова о необходимости усиления: а) партийной, советской работы в районе действия бригады, б) военно-политического контроля, дабы подтянуть и реорганизовать Управление бригады.

Примечание.

Хотя бригада Григорьева обследована раньше “Махно”(в первых числах марта) мы все же в целях цельности картины военно-политического состояния Екатеринославской губернии дали последней место после ответа с Екатеринославской губернии.

Бригада Григорьева (комиссия № 4).

Штаб Григорьева до первых чисел марта находился в Александрии — центре военно-политического повстанческого движения, выдвинувшего атамана Григорьева. Партизан за последнее время окол 5 000 человек. Разбиты они на три ударные группы: головная движется из Снегиревки на Херсон-Николаев.

Взаимоотношения с гражданскими организациями.

По вине местного ревкома существовали трения между первым и Григорьевым, основанные на мелких придирках, хотя Григорьев в деятельность гражданских организаций не

вмешивался. Вместе с тем никакой коммунистической, партийной и культурно-просветительной работы в красноармейских партизанских массах не велось. Советский аппарат в Александрии не налажен и не инструктирован. Нет работников. Очевидно ЦК партии на этот район не обращает никакого внимания.

Эсеровское засилье.

Эсеры: левые и украинские прочие засели в бригаде и окрестных волостях. При отряде Григорьева имеется “Информационное бюро” нечто вроде “эсеровского политуправления бригады”. Бюро создано постановлением политработников бригады в большинстве левых эсеров. Бюро имеет вагон, типографию, печатающую листовки, воззвания с эсеровской отсепятиной (протесты окрестных волостей и т. п.).

Хотя в районе разбросано много серьезных эсеровских работников, но бюро к счастью работает лениво. Бюро имеет связь с эсеровским ЦК Украины и России. Эсеровские работники беспрепятственно прибывают в отряд. На съезд комячеек фронтовой группы прибыли по ошибке от Григорьева 60 делегатов (думали съезд политработников) последние вынесли резолюцию протеста против ареста эсеровских вождей. Левые эсеры возлагают большие надежды на отряд Григорьева и на Николаевском партийном съезде вынесли резолюцию: “Сделать отряд Григорьева центром военных сил под флагом партии и призвать всех членов партии записываться в отряд Григорьева”. “Батько Махно” также прислал связь Григорьеву.

Его влияние на партизан. Однако, лево-эсеровская агитация особым успехом у партизан не пользуется. Не смотря на то, эсеры из кожи лезут вон, партизаны твердят “мы большевики”. Настроение частей бодрое, революционное, но уровень их политической сознательности очень низок.

Григорьев и Советская власть.

Григорьев украинский эсер и старается не допустить в коммунистическую партию своих партизан. Он честлюбивый, хитрый, с тонким политическим чутьем. Это ясно по его умению учитывать центробежное стремление немцев из Херсона домой, на основании которого он их теснил не столько реальной силой, сколько психическим воздействием и угрозами. Григорьев противник коммунистической тактики, но видя неизбежность подчинения коммунистической Советской власти (опыт Муравьева), идет на уступки. Он, хотя и ворча, но поддается давлению Политкома, которым уже подписываются все бумаги. При связи Политкома с центром и его нажимом на Григорьева, его можно прибрать к рукам. Справедливо подтрунивает Григорьев, что ему прислали политотдел Реввоенсовета и политдив сразу двух политкомов и что ему десятки инстанций отдают параллельные распоряжения (“прислали 30 комиссаров, комиссий, телеграмм, кроме необходимых сапог”).

Заключение.

Необходимо: 1) срочно прислать в бригаду и в окрестные волости коммунистов-организаторов, 2) необходимы немецкие агитаторы для работы среди местных колонистов, недоверчиво настроенных, 3) необходима энергичная присылка литературы, в которой

красноармейцы и крестьяне ощущают острую необходимость. На все указанные меры обращено внимание соответствующих партийных и советских органов»[269].

Начальник политуправления Наркомвоена Украины Бодров 29-го марта телеграфировал в ЦК РКП(б): «Волна погромов охватила почти всю Украину. Бандитами всех мастей ведется самая отвратительная антисемитская агитация. Гнезда провокационной работы свиты в красноармейских частях. Необходимо немедленно очистить доблестную Украинскую армию от пагубного левоэсеровского и анархистского бандитского влияния. Нужны политработники. Убедительная просьба дать политработников в Красную Армию Украины. Направляйте в Киев. Музыкальный переулок, 1, Политуправление»[270].

Предпринятое нами наступление по фронту Волноваха–Мариуполь развернулось как раз в момент перехода в наступление белых против 8-й армии.

27 и 28 марта они опрокинули передовые части 8-й армии у ст. Первозвановка и Картушино; 29 марта 41-я дивизия и 2-го апреля вся 8-я армия были отброшены на Луганск

3-го апреля командюж Гиттис[271] указывал в приказе 10-й армии: «...2. Подчиненная мне 3 бригада (Махно) 1 Заднепровской дивизии заняла ст. Ново-Николаевскую, что в 30 верстах от Мариуполя, задача этой бригады — действия в тылу противника, оперирующего в юзовско-дебальцевском районе, имея целью выход на линию Таганрог–Квашина...

4. Приказал бригаде Махно совместно с таганрогскими повстанцами энергично действовать в общем направлении на Таганрог. 13 армии продолжать самое энергичное наступление. 8 армии перейти к активной обороне, удерживая во что бы то ни стало г. Луганск, и быть готовой к переходу в решительное наступление...

7. Действия бригады Махно на Таганрог и частей 10-й армии на Батайск дадут нам возможность произвести стратегическое окружение противника, энергичное наступление 13, 8, 9 армий превратит это окружение в тактическое...»[272].

Движение нашей бригады к Таганрогу отсекало коммуникационные пути из Донбасса и выводило повстанческие войска в тыл деникинцам. Это заставило противника не только остановить наступление на 8-ю армию, но спешно выдвинуть последние тыловые резервы[273].

Мы, ломая упорное сопротивление противника, продолжали наступать. К 10 часам 1-го апреля нами были взяты ст. Ново-Николаевская (35 в. восточнее Мариуполя)[274] и Безымянка в 10–12 в. к северо-западу от первой; 11 часов 2-го апреля освобождены Весело-Вознесенка на море, Стила и Бешево на линии Волноваха–Кутейниково[275].

К вечеру 4 апреля сводка сообщала: «На Таганрогском направлении нами занят хутор Александровский и Пудовое в 10 км к северу от д. Весело-Вознесенской. Наше передвижение продолжается... Однако к утру следующего дня уже доносили, что наши части под давлением превосходящих сил противника отступили... меры к восстановлению принимаются»[276].

К вечеру 5 апреля вновь сообщалось: «В Таганрогском районе в направлении на Кутейниково наши части заняли деревни Старое и Новое Бешево и находятся в 57 км от ст. Кутейниково. Кроме того, нами заняты д. Каракуба, Васильевка, что в 4 км к востоку от ст. Волноваха: На Таганрогском направлении инициатива снова в наших руках, продвижение вперед продолжается»[277].

Мы продолжали наступать, надеясь на обещанное подкрепление.

«Но П. Дыбенко не мог оказать существенной поддержки Махно, ибо вопреки всем указаниям продвигался в Крым»[278].

Между тем командукр продолжал опротестовывать передачу 3-й бригады Махно Южфронту. Он заявлял: «За дисциплинированность и боеспособность частей, отдаваемых мною Южфронту, не могу отвечать. Всякое отрывание их от нашего командования их будет разлагать. Разграничительная линия между нами и Южфронтом для нас неприемлема»[279].

Главком отвечал: «№ 889/ш, Серпухов. Мною получена от вас телеграмма нижеследующего содержания: “Прошу отменить ваше распоряжение о передаче 3 бригады, которой командует Махно, в распоряжение Южного фронта. Передача одной бригады на другой фронт разрушает организацию Заднепровской дивизии, которой прекрасно командует Дыбенко, и грозит полным разрушением бригады. Прошу не разрушать организационную работу Укрфронта. 4 апреля, 16 часов, № 674/лк. Комфронта Антонов.” Получена 5 апреля, в 18 часов 15 минут.

Из этой телеграммы явствует, что вы до сих пор еще фактически не передали бригаду Махно Южному фронту, как то вам было приказано. Это есть новое доказательство того, что боевые приказы вы не исполняете с требуемой точностью. Бригада Махно останется в составе Южного фронта до тех пор, пока не будет разбит наголову противник, сражающийся против Южного фронта...»[280].

Командюж В. Гиттис запрашивал командукра: «Получил телеграмму начдивизии Заднепровской Дыбенко за № 598, в которой указывается, что по донесению начгруппы Харьковского направления подчинение бригады Махно в оперативном отношении Южфронту грозит развалом бригады и не вызывается никакими стратегическими соображениями. Не будучи согласен с мнением начдива Дыбенко, командюж приказал вторично запросить у вас, какие распоряжения отданы вами комбригу Махно, выполняющему фактически одну общую с Южфронтом задачу, о необходимости подчиниться и согласовать свои действия с соседними войсками Южфронта, действующими в том же районе, дабы в кратчайший срок выполнить нашу общую задачу и избежать трений и излишней переписки, могущих отразиться на успехе операции»[281].

Антонов-Овсеенко напишет впоследствии: «Общестратегическое положение как-будто требовало прежде всего поддержать группу Махно, взявшую Мариуполь и грозившую тылу добровольцев в Донбассе. Но Украинская армия была связана своими непосредственными задачами, петлюровцы грозили Киеву...

Главком повторил свое распоряжение (передать 3-ю бригаду Махно Южфронту — А. Б.).

Таким образом, формально Украинский фронт освободился от заботы о Мариуполь–Таганрогском направлении. Мы вплотную занялись своими непосредственными задачами и начали складывать особую Одесскую группу...»[282].

Итак Укрфронт передал, а Южфронт не принял, и наша бригада оказалась бесхозной. Приказывать стали и те и другие, но снабдить, пополнить, подкрепить изнемогавшую в наступательных боях нашу 3-ю бригаду отказывались и те и другие, ссылаясь друг на друга.

А противник наш по фронту был самый серьезный. Войска генерала Май-Маевского состояли исключительно из добровольческих частей. Чисто контрреволюционные элементы: офицеры, юнкера, дворяне, помещики, студенты и прочие являлись хорошими одиночными бойцами, умеющими вести борьбу, быстро и умело маневрировать и приспособливаться к обстановке и к местности. Они были отдохнувшие, сытые, обмундированные, вооружены и хорошо оснащены технически. Один такой боец, казалось, стоил десяти наших.

Численность только группы Май-Маевского составляла 6 тыс. штыков и 1 400 сабель.

Но генерал восхищался нашими на него налетами и не раз говорил: «Вот бы мне такого командира!»[283].

Не получив подкрепления и боеприпасов мы вынуждены были наступление приостановить.

Политическое настроение населения в этот период объясняют ряд сводок:

«Александровский уезд Екатеринославской губернии. Политическое положение уезда тяжелое, очень сильно влияние анархистов и левых эсеров, препятствующих проведению в жизнь учета и мобилизации. Уездный съезд советов был чисто левоэсеровский. Распропагандированные крестьяне отказываются давать хлеб и продукты городу. Сильно развит бандитизм. Мало денег. Мало литературы.

Павлоградский уезд Екатеринославской губ. В Дмитровской волости практикуется в больших размерах варка самогонки. Ведется злостная подпольная агитация, к прекращению которой приняты меры. Экономическое положение уезда удовлетворительно.

Лебединский уезд Харьковской губ. В некоторых волостях уезда были выступления в связи с мобилизацией. Восстания ликвидированы. Культурно-просветительная работа налажена.

Золотоноша Полтавской губ. Банда человек в 150 пробралась из Лубенского уезда и направляется на Золотоношу. В настоящее время банда находится в 40 верстах от Золотоноши. В городе осталось всего человек сто красноармейцев, так как интернациональный полк весь разослан для борьбы с бандами. Кроме того, в городе есть отряд коммунистов и мобилизованных рабочих, всего человек триста. Крестьяне настроены антисоветски, хотя открытых выступлений нет»[284].

Как был настроен пролетариат, в чьих руках находилась местная власть? Красноречивый ответ на это дает сводка отдела осведомления Совнаркома УССР от 3 апреля 1919 года:

«В Елисаветградском совете коммунисты представлены в меньшинстве, исполком состоит из 40 человек. С.-р. повсюду, даже в управлении. Только силой пришлось их отставить. Вследствие таких ненормальностей, комитет партии решил произвести перевыборы в совет 26 марта... В Елисаветграде с момента захвата власти прошло два месяца, а работа пока еще не налажена. Главная причина — антисемитизм. Среди рабочих самого большого из елисаветградских заводов и железнодорожников ведется агитация против Советской власти, как власти “жидов”. Эти возгласы слышны даже в исполкоме, бросают их левые эсеры. Перевыборы вряд ли дадут положительные результаты. На заводе Эльворти из 25 человек выборных прошло только 3 коммуниста, у железнодорожников из 11 человек 2 коммуниста. При этом проходят не выставленные комитетом, а те, кому персонально сочувствуют. Необходимы, главным образом, агитаторы-лектора, в противовес всем меньшевикам и левым эсерам. Все они должны быть православными»[285].

У нас же в связи с острым недостатком боеприпасов и переутомлением, непрекращающимися боями, отсутствием снабжения и пр. возникла необходимость серьезного объяснения с работниками штаба бригады. И я с Долженком в начале апреля отбыли с фронта в Гуляйполе.

В то время успехи революционной Красной Армии на Украине бледнели в сравнении с неудачами пяти Красных Армий в Сибири, фронт которых растянулся на 2 550 верст. Они отступали перед Колчаком, занявшим г. Уфу, Илецк, Гурьев, Пермь и Чердынь.

На Южном, так называемом Деникинском фронте, 10, 9, 8 и 13 Красные Армии и участок фронта (Волноваха–Мариуполь) махновцев, измотавшись остановили свое продвижение вперед. Казалось, что достаточно сделать еще одно усилие, и весь юг вновь станет советским. Но именно теперь такое определяющее усилие войскам Южного фронта оказалось не под силу.

Они не только поредели в боях, но понесли большие потери в результате различных эпидемий. В некоторых частях число больных тифом доходило до 50 процентов всего личного состава[286]. Бойцы и командиры были утомлены до предела. Резервы фронта были на передовой линии. Кроме того отвратительно осуществлялось снабжение войск.

Наступил перелом в сторону белогвардейщины. Сосредоточив свои силы против Царицына, Миллерово, Юзово, Волновахи и Мариуполя, Деникин основательно угрожал нашему фронту.

Правда, успех Украинского фронта служил нам гарантией побед, но зная, что Красная Армия, сложившаяся на Украине из партизанских отрядов, колеблющихся крестьянских групп в лице середняка и беднейшего крестьянства, не давала оснований верить в ее непоколебимость.

На фронте было беспокойно, и с тыла необходима была немедленная помощь.

На совещании командного состава я предлагал своим единомышленникам прекратить критическую болтовню в адрес большевиков и обратить серьезное внимание на Деникина, успевшего бросить против нас лучшие свои корпуса. Я настаивал, что главное фронт, и ему должно быть подчинено все. Все силы против Деникина...

Прибывшие с Елисаветградского (Кировоград) съезда анархисты-набатовцы информировали нас о работе съезда и принятых им решениях. Они доказывали, что теоретическое положение анархизма — это критика государственного социализма, который грозит развиться в экономический деспотизм, еще более страшный, чем политический.

Согласно теории анархизма великие перемены должны передать все необходимое для жизни и производства в руки общества, но это не может свершиться без великой революции... Но никакая революция — ни мирная, ни кровавая не может свершиться без того, чтобы новые идеалы не проникли в тот самый класс, экономические и политические привилегии которого предстоит разрушить.

Революция — это период ускоренной эволюции, ускоренного развития и быстрых перемен, и дело не в том, как ее избежать, а в том, как достичь наибольших результатов при наименьших расходах народной энергии, то есть с наименьшим числом жертв и затрат. Этого можно достичь при условии, что угнетенные составят себе ясное представление о том, что им необходимо сделать, и проникнуться к этим идеалам достаточно сильным энтузиазмом.

Наша задача сейчас точно сформулировать определенные требования способные воодушевить людей величиим открывающейся перспективы.

Исход борьбы будет зависеть не от качества и количества оружия, а от творческих сил примененных к переустройству общества на новых началах.

«Всякое общество, покончившее с частной собственностью, должно будет организовать на началах анархистского коммунизма. Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм — к анархизму, причем и тот и другой представляют собой не что иное, как выражение одного и того же стремления, преобладающего в современных обществах — стремления к равенству»[287].

Мы считаем, что достигнуть коммунизма, то есть владеть сообща всем нашим общественным наследием и производить сообща все богатства можно только путем уничтожения государства, завоевания полной свободы личности, добровольного соглашения и совершенно свободного соединения в союзы и в федерации союзов.

Мы считаем, что в борьбе между личностью и государством необходимо выступить за личность против государства, за общество против насаждающей на него власти.

Все правительства несправедливы и поэтому держатся на жестокости, наводят ужас на своих подданных. Большевики-государственники тоже провозгласили насилие своим правом.

Тюрьмы забиты, в чека убивают без суда и следствия, целая продовольственная армия и десятки других организаций грабят крестьян; насильственная коллективизация, избирательная система упразднена; деятельность партий, стоящих на советской платформе, силой сводится на нет, закрывают газеты, арестовывают и расстреливают пролетариев-активистов, сплошь и рядом бюрократические извращения...

В большинстве случаев бесчинствуют не по идеологическим убеждениям, а за открывающуюся перспективу корыстности.

Аппарат насилия сохранился с теми же функциями, что и при царе, изменились только названия: жандарм стал сотрудником ЧК; полицейский — милиционером; чиновник — комиссаром и т. д.

Государственная армия из мобилизованных солдат и назначаемых командиров и комиссаров не может считаться истинной защитницей социальной революции. Внутри страны она является главным оплотом реакции и используется для подавления восстаний, покрывших сегодня всю страну и выражающих недовольство проводимой политики власть имущими.

Развилась сеть шпионов, провокаторов, наемных писак, придворных писателей, восстановилось положение челяди и т. д.

А вообще Октябрьская революция дала только большевистское правительство безраздельно захватившее власть, и поэтому мы оставили поле битвы и с большевиками дальше не пошли, ибо дальше начиналась созидательная работа, направленная на укрепление того, против чего мы боремся, на укрепление государственной власти и чиновничества.

Большевики путаются в вопросах: «земля крестьянам — земля государству», «власть — свобода», «свобода — диктатура», «коллегиальность — единоначалие», «воля народа — воля партии», «патриотизм — интернационализм» и т. д.

Анархисты-набатовцы говорили, что еще в ноябре 18-го года на Курской конференции они вынесли резолюцию:

«В то время, как революции в разных странах носят пока характер партийно-политический и, таким образом, ведут к временному укреплению в мировом масштабе большевизма, в творческом бессилии которого трудящиеся всего мира еще не убедились, Украина уже пережила большевистский режим, испытала его на себе и более или менее почувствовала его неспособность переустроить общество на началах подлинной свободы и экономического равенства. И это обстоятельство заставляет думать, что грядущая революция на Украине сразу же может направиться по пути беспартийно-массового народного творчества и сразу может превратиться в революцию, долженствующую создать анархо-коммунистический строй. Мощь, жизненность, плодотворность и непобедимость революции, направившейся по этому пути, явится примером, достойным подражания для остальных стран, и тем самым окажет влияние на характер международной революции, толкая ее на путь революции анархической»[288].

Должен же наконец когда-нибудь трудовой народ стать на свои ноги, не опираясь на костыли власти, закона, авторитета.

С той минуты, когда «Советы» взяли власть, они перестали быть Советами, а стали принудительными учреждениями, государственным бюрократическим, чиновничьим аппаратом, а не советским. Своими действиями они открыто стали на путь предательства интересов трудящихся крестьян и рабочих, и сейчас все больше и больше теряют доверие

народных масс.

Надо сразу же не признавать государственной власти, как тормозящей силы, которая стоит поперек пути осуществления анархо-коммунизма.

Такие мнимые коммунисты, как Троцкий и Раковский, не допустят коммунизма, им нужен только портфель, кабинет, удобства, власть, трибуна и наследственность.

На всех своих съездах и пленумах они подчеркивали в своих решениях о недопустимости к руководству иных партий, кроме КП(б)У. И мы, на Елисоветградском съезде конфедерации «Набат» 2 апреля 1919 года согласились с ними, вынеся свою резолюцию: «Ввиду того, что так называемые “Советы депутатов” превратились ныне окончательно и повсеместно в политические органы демократического парламентаризма, покоящиеся на началах власти, государственности, управления и мертвящей централизации сверху, съезд высказывается окончательно и категорически против вхождения в них анархистов»[289].

Нас в Советы депутатов не пускали, а когда мы сказали, что мы и сами туда не пойдем, «товарищи» взбунтовались, вот, дескать, своим решением не участвовать в Советах анархисты-коммунисты разоблачили себя, показали свое истинное лицо...

Мы утверждаем, что Советская власть в дальнейшем неизбежно приступит к сопротивлению и борьбе против действия масс.

Как никогда сегодня актуален наш лозунг: «Кто не сопротивляется злу, тот неправильно живет». Потому, что если не сопротивляешься сегодня, возможно завтра, уже не будешь жить.

Нам надо будет сообща разработать и дать на обсуждение широких масс Декларацию...

Выступали многие.

Взял второй раз слово и я, утверждая, что самое главное — фронт. Но меня не слушали, а набатовцы даже ругали, отсылая меня не то в ряды синдикалистов, не то в партию коммунистов, не то к эсерам.

Выступивший Голик доложил разведданные расположения и состояния противника по фронту.

Сообщил, что Антонов-Овсеенко приказал Скачко: «Заставьте понять Дыбенко: Крым второстепенен. Нельзя разбрасываться, поддержите одесское направление. К западу положение требует скорейшей ликвидации Одессы»[290].

— Из этого следует, — говорил Голик, — что помощь от 2-й бригады, которая направлялась приказами Скачко к нам, не прибудет, так как этот приказ обязует Дыбенко направлять войска предназначенные на наш участок — на Одессу.

Есть мнение, что нас хотят завести в западню, потерями в боях свести на нет, а потом освободившиеся под Одессой войска бросить на наш участок фронта и расправиться с махновщиной одним махом. Войск в тылу достаточно, но нам пополнения не дают, хотя и пишутся на этот счет приказы. Войска, якобы, накапливают для наступления на Галицию — Венгрию.

Голик сообщил о многочисленных восстаниях в Киевской, Черниговской, Херсонской, Полтавской и др. губерниях[291].

Сообщил также об активно действующей «экспедиции» наркомвоен Межлаука в нашем тылу, проводящей «чистку» Александровского уезда[292] и наделавшей уже немало бед.

Участники совещания были обеспокоены положением дел на фронте и в тылу, и для практического решения вопросов борьбы за революционные лозунги, для обеспечения фронта необходимым, упорядочения мыслей и действий согласились с предложением Военно-Революционного Совета по созыву на 10 апреля в Гуляйполе третьего съезда.

Мы постоянно чувствовали ненормальное отношение красного начальства к нашей бригаде и их закулисные деяния. Слухов и данных разведки было масса. И кое-что подтверждалось.

Но статья в московской «Правде» от 3 апреля несколько поколебала наше недоверие и догадки. В ней говорилось: «О Махно украинцы говорят: “Наш батько ни с чёртом знается, ни с богом, а только все же не простой человек”». В селе Гуляй-Поле имеется завод сельскохозяйственных машин, на нем Махно Нестор Иванович работал в качестве маляра и токаря. В 1905 г. сошелся с группой анархистов, участвовал в политубийствах и экспроприациях. Будучи пойман, был сослан на каторгу. Революция 1917 г. освободила его. Он вернулся в Гуляй-Поле и здесь организовал анархический отряд. С приближением австро-германцев отряд был разоружен. Махно ускользнул, подобрал себе семь человек головорезов и начал смертную борьбу с австро-венгерцами, петлюровцами, гайдамаками, помещиками. Крестьяне, несмотря на угрозу расстрела за укрывательство Махно, оказывали ему всяческое содействие. Он стал формировать отряд. Директория предложила ему присоединиться к ее войскам, но Махно отказался и заявил на запрос селянского съезда в Александровске, что петлюровщина “это авантюра, отвлекающая внимание масс от революции”. Махно взял Екатеринослав, с 600 человек ворвавшись на поезде в город, но вынужден был отступить за Днепр. Махновцы решили, оставшись без патронов, перейти к петлюровцам. Сам Махно запротестовал. Дыбенко через головы петлюровцев послал Махно с крестьянами патроны в мешках и запросил: “Признает ли он Советскую власть?” Махно, ударяя на кадет, погнал их в Пологи и ответил Дыбенко о своей лояльности. Оставаясь под его командованием, отряды влились в Красную Армию, образовав бригаду Заднепровской дивизии. Махно получил задачу разбить добровольцев и очистить железную дорогу до Бердянска, которую выполнил блестяще. Добровольцы, лучшие гвардейские силы, разбиты»[293]

И тогда же от 8[294] апреля 1919 года Наркомвоен Украины. Подвойский приказал: «Третьим Всеукраинским съездом Советов рабочих, крестьянских (селянских) и красноармейских депутатов Украинская Советская Социалистическая Республика объявлена

вооруженным лагерем.

Со дня опубликования этого приказа никакие митинги и собрания в войсках без разрешения надлежащих военных властей безусловно не допускаются. Виновные в неисполнении сего понесут кару по военным законам»[295].

И снова статья «О Махно»:

«...Кто же такой Махно? — национальный герой (так описывает в “Известиях” А. Сергеев) ...Развивая свою боевую деятельность, Махно занял Синельниково и двинулся на Екатеринослав, где было несколько тысяч петлюровцев. 600 человек махновцев разогнали 7 тысяч петлюровцев и овладели всеми правительственными зданиями. Сам Махно, осыпаясь пулями, отстреливался из оставшейся трехдюймовки до последней минуты...

Махновцы отступили, оставив в Екатеринославе на память о себе развалины разбитого квартала, из которого по отступающим махновцам стреляли из винтовок и пулеметов...

Махно был назначен командиром бригады Заднепровской дивизии, и ему было дано одно из самых серьезных военных заданий — разбить добровольцев и очистить железную дорогу до самого Бердянска...»[296].

Мы с надеждой читали эту статью и хотели верить, что все образуется.

Мысленно возвращаясь к недавно прошедшему бурному совещанию сделал вывод, что наши идеологи способны критиковать чужие ошибки, но неспособны, что-нибудь делать практически. Они критиковали всех и вся, но не анализировали своей деятельности, чем выявляли совершенное мальчишество и политическую близорукость.

Проповедуя конечную цель — анархическую коммуну, они не знали, как взяться за это практически.

Масса была чрезвычайно далека от теоретических выкладок анархо-коммунизма. Нужны были революционные практические примеры переустройства жизни в создаваемом обществе.

Наша свобода и демократия обеспечивала веру населения в честное счастливое будущее именуемое анархо-коммунизмом. Строилась эта вера на добровольности и доверии масс своим избранным командирам...

Но что делалось?

Удивительно, за что только Совправительство преследовало идейных анархистов? Они, ведь, были оторваны от массы на столетия, и эта масса очень плохо поддавалась обработке анархо-коммунистической идеологии и поэтому они были совершенно не опасны для государства.

Это секта, и не будь в их руках бомб, она умерла бы естественной смертью. Не прими их махновщина под свою опеку, они бы в своем зародыше завяли, как цветы, а в лучшем случае, пребывали бы в подполье. Как только Красная Армия соединилась с махновщиной и открыла им с севера на Украину дорогу, анархисты съезжались со всех концов России в Гуляй-Поле, где повстанцам рассказывали о большевистской Чека, насилии и прочее. Как будто эта война была не гражданская.

В это время анархистов в махновщине было очень много. Но, что они делали? Ничего и ничего реального!

Кроме пустой критической болтовни на большевиков и высасывания из Гуляйполя денег для «дела подполья», они разлагали махновщину изнутри, как только хотели. А была настоящая возможность на деле осуществить хотя в одном месте анархический строй; можно было от лозунга и выкриков о советском строе и самодеятельности масс, перейти к практическому осуществлению экономического строительства. Много можно было сделать, было кому, но не хотели анархисты очернить себя работой и сомнениями. Можно было организовать показательные анархические коммуны — было где, но кто за это брался?

На героизм трудовой будничной работы по созданию нового общества они оказывались не подготовленными и не способными.

Народ наш добрый. Но ведь, действительно, как для «доброты, доверия», так и для «злости, недоверия» нужна пища, нужен целый ряд раздражителей, которые разовьют и укрепят именно эти черты.

Махновщина добрая, доверчивая, она пустила в себя комиссаров, назначенных неизвестных ей командиров. Позволяет агитировать, пропагандировать, издавать и распространять коммунистическую литературу, создавать коммунистические партийные ячейки и т. д. Терпит в своем тылу, в своих хатах действия продармии, Чека, всевозможных «экспедиционных отрядов», мирится с оскорблениями, унижениями, часто с беспочвенными репрессиями и т. д. Все у нас стерпят, кроме жестокости, лжи и лицемерия.

Вступай, агитируй, привлекай на свою сторону, выражай волю большинства — тебя на руках носить будут.

Но не насилуй, не топчи, не издевайся, пользуясь доверием, этого тебе никогда не простят.

С такими рассуждениями мы приближались к Волновахе.

Приняв штаб боевого участка от Ивахнина, который по назначению штаба бригады должен был занять пост коменданта ст. Пологи, я принял за реорганизацию частей.

На 6-е апреля по всему фронту Заднепровской дивизии в Одесском, Крымском, Таганрогском направлениях шли ожесточенные бои. 6-го апреля Григорьевым была взята Одесса и он телеграфировал:

«После невероятных усилий, жертв и тактических маневров французы, греки, румыны, туркосы, добровольцы и прочие наши враги разбиты под Одессой наголову. В страшной панике бежали, оставив колоссальные трофеи, которые не поддаются учету. Бегство противника было настолько велико и панически, что даже д'Ансельм просил хоть 3 часа для отхода, но ему в этом было отказано, и он удирая забыл свой чемодан»[297].

Предсовнаркома Украины 9 апреля приветствовал войска. Он писал: «...взятие Одессы имеет самое широкое мировое значение. Крепость международного хищнического империализма на юге Украины пала в тот же день, когда телеграф нам сообщил радостную весть о провозглашении Советской Республики в Баварии и о вторжении наших войск на Крымский полуостров. Перед победителями под Одессой открываются новые перспективы: к нам взывают о помощи восставшие рабочие и крестьяне Бессарабии, Буковины и Галиции. Им через Карпаты протягивает руки Красная Армия Венгерской Социалистической Советской Республики. Рабочие и крестьяне Украины уверены, что их революционный авангард — Украинская Красная Армия — будет и впредь проводить свой лозунг — “Вперед, вперед, всегда вперед”.

Предлагаю представить к почетной награде особо отличившихся командиров и части, а также руководителей Одесской операции. Одновременно с ними, представить к почетной награде отличившихся под Мариуполем красноармейских (махновских — А. Б.) частей и командиров...»[298].

На сообщение командукра о представлении т. Скачко к награде за Одесскую операцию, Скачко ответил: «Оставьте В. А. ...Награждайте Григорьева, награждайте военспецов, награждайте тех, кого надо подкупить для революции, а мы, коммунисты, будем работать и без всяких блестящих побрякушек»[299].

Большой вред делу борьбы красных приносило старое офицерство, которое мобилизовывалось, а то и добровольно с враждебной целью переходило на службу в Красную Армию. Из тех десятков тысяч офицеров, находящихся в военном ведомстве, которыми хвастал Л. Троцкий, называя их «военспецами», определенная часть была явными агентами белогвардейщины.

Так начальник штаба 9-й армии (а впоследствии командарм 9) Всеволодов, перебежавший к белым, вредительски планировал операции на плацдармах за Северным Донцом, что привело к огромным потерям. В штаб Наркомвоендел Украины пробрались агенты Деникина — полковник Соколовский и другие, которые всеми способами стремились сорвать меры, направленные на оказание помощи Донецкому бассейну со стороны Украинского фронта. Особую почву для интриг представляли повстанческие части.

Дезинформация о положении на фронте, интриги вокруг талантливых, пользующихся авторитетом командиров; передача противнику секретных сведений, задержка пополнений и боеприпасов, дробление воинских частей, посылаемых на фронт, срыв формирований, внедрение своих агентов в войсках; «бумажные мятежи» и «контрреволюционные выступления», которые потребовали десятки тысяч солдат на внутреннем фронте — далеко не полный перечень из арсенала вредительства. Особенно от их «деятельности» страдали

повстанческие войска.

Еще 23 февраля командукр получил записку, отмечающую состояние штаба подобранного Глаголевым: «Штаб, мол, из бывших офицеров, бюрократов и формалистов, которых коробит слово “товарищ”. Даже все уборщики, вестовые, телефонисты — кадеты, гимназисты и другая буржуазная сволочь. Особое внимание обратить на Норке и Фокка»[300].

Проведенные обыски у штабников дали скверные результаты; кое у кого были найдены компрометирующие документы, погоны и так далее...

Белогвардейский полковник Басков, занимавший должность помощника начальника оперативного управления штаба Укрфронта, был по суду расстрелян. На эту должность его рекомендовал начальник штаба Укрфронта тов. Глаголев[301].

«Целиком в силе, — писал Антонов-Овсеенко, — указание на чрезвычайную осведомленность противника о состоянии вооруженных сил Красной Армии. За одним и чрезвычайно характерным исключением — боевого состава нашего Украинского фронта. Мы эту законспирированность нашу приписали... отсутствию планомерного контакта советской Украинской армии с штабом фронта. Командукр не доверял штабу, сформированному Глаголевым, зачастую скрывал от этого штаба свои оперативные планы, отдавал свои распоряжения через небольшой полевой “штаб”, всегда сопровождавший его в почти непрерывных поездках по фронту. Сведения о численном составе и т. п. сосредотачивались у особо доверенных лиц»[302].

Занимающая позиции на нашем левом фланге от Волновахи и далее на север на Юзовку 9-я дивизия вызвала у нас опасения своей ненадежностью. Еще 15 марта на запрос командукра командующий Харьковской группой Ауссем отвечал: «...Прошу обратить внимание на 9-ю дивизию. Имеются определенные указания на чисто белогвардейский характер командного состава. На массу, какую мы в настоящий момент имеем на Украине, такая публика произведет отвратительное впечатление, и я боюсь, что мы многое потеряем»[303].

Тем временем противник конным корпусом генерала Шкуро перешел в контрнаступление на левом фланге 3-й бригады 9-й дивизии, угрожая ее тылу.

На рассвете 5-го апреля, сосредоточившись в районе Очеретино-Ясиноватая, генерал Шкуро повел наступление на станцию Желанная и Авдеевка, вынудив советские войска отступить[304].

6-го апреля штаб 3-й бригады 9-й дивизии телеграфировал, что «враг сбил наши части около Юзовки, 79 полк наголову разбит, а наши отступают на Волноваху. Необходимо досрочно дать подкрепление... Противник стремится отрезать Волноваху...»[305].

То есть «дисциплинированные» полки 3-й бригады 9-й дивизии бросили фронт и побежали от Юзовки к Волновахе под прикрытие махновских войск, занимавших Волноваху, и в своем наступлении подошедших вплотную к городу и железнодорожной ст. Кутейниково. Но в связи с бегством с фронта полков 9-й дивизии и угрозой окружения наших войск в районе

Кутейниково и Таганрога, им было дано указание срочно отступить на новые позиции и выровнять фронт Волноваха–Мариуполь.

Достаточно посмотреть на карту, чтобы представить, какую угрозу для махновских войск создавало оголение 9-й дивизией участка фронта: ст. Желанная–Авдеевка–Юзово–Еленовка и пропуск в тыл на этом участке конного казачьего корпуса генерала Шкуро.

С правого фланга нашей 3-й бригады Заднепровской дивизии было Азовское море, на левом фланге от Волновахи до ст. Желанная фронт в добрых сотню верст был открыт 9-й дивизией.

6-го апреля 13 армия извещала командукра: «Противник в одиннадцати верстах от Гришине, наши части занимают позиции у Городовки. Ст. Желанная с 3 часов 6 апреля “нейтральна”. Между Гришине и Чаплино сосредоточилось много эшелонов с войсковыми частями, нежелающими вылезать из вагонов»[306].

«Слабость руководства этими частями, — писал Антонов-Овсеенко, — не могла не вызвать неудач».

О них говорит сообщение уже 8 апреля:

«Противник, сосредоточившись в районе Карповка–Андреево–Юзово, повел наступление значительными силами под командой Шкуро на Новомихайловку, заслон со стороны Очеретино. Под напором части 9-й стрелковой дивизии (79-й полк) начали беспорядочно отступать, оставив станцию Кленовку. Обнаженный левый фланг бригады Махно, отбиваясь от штыковых схваток включительно, должен был отойти к Новониколаевску. В настоящее время наши части, по неполным сведениям, ввиду отсутствия связи, занимают позиции восточнее Очеретино — дер. Галициновку. Часть 79-го полка, отступающая на Волноваху, панически настроена, командный состав увеличивает панику. Сегодня в час отправил первый эшелон Екатеринославского полка; следующие эшелоны выйдут в 2:00 и 2:30 к направлению на Волноваху через Александровск. К полку в Александровске будут приданы два орудия и шестнадцать пулеметов. Начальник отряда назначается от Дыбенко; задача — прикрыть левый фланг бригады Махно, наступая в направлении на станцию Еленовка, вразрез противнику, движущемуся на Новомихайловку. Дыбенко и Петренко выезжают в Волноваху. Дыбенко просит командарма тринадцать в предстоящей операции оттянуть силы противника ударом со стороны Луганска.

8 апреля. 2 часа 15 минут (№ 0676)»[307].

Дыбенко телеграфировал командукру: «В связи с боевыми операциями в Таганрогском направлении, а также Кутейниково–Иловайской необходимо возвращение на фронт бронепоездов № 8 он же № 10, а также “Грозного”». Но бронепоезда были в ремонте, да и к их орудиям не было снарядов[308].

Скачко сообщал командукра: «...На участке 9-й стрелковой дивизии действуют кавалерийские части противника. Левый фланг левого участка бригады Махно у Новониколаевска. На левом боевом участке Махно действует 6-й резервный, 9-й

Заднепровский полки, два 42-линейные орудия, девять пулеметов, по линии железной дороги — бронепоезд “Спартак”. Ввиду прорыва решено подчинить 3-ю бригаду т. Дыбенко, которому приказано восстановить положение; для этого ему вероятно придется на первое время взять часть с Крымского направления, ввиду того, что вновь сформированный полк в городе Екатеринославе, дойдя до города Александровска, отказался идти на Волноваху, требуя, угрожая оружием отправки в Мелитополь, куда один эшелон уже прошел, остальные же задержаны в г. Александровске. Туда выезжает для восстановления порядка т. Тищенко (№ 0684)»[309].

В это же время приказом Командукра от 7 апреля 1919 г. группа войск киевского направления была переименована в 1-ю Украинскую советскую армию, а группа войск харьковского направления — во 2-ю.

Десятого апреля в Гуляйполе, несмотря на напряженное положение и военные действия начал свою работу 3-й Районный съезд представителей крестьянских и рабочих Советов, штабов и фронтовиков.

На заседании съезда была зачитана и обсуждалась ниже приведенная телеграмма П. Дыбенко о запрещении съезда, которая в большой степени повлияла на решения съезда.

В резолюции по текущему моменту это выразилось в следующем:

«Резолюция

3-го районного съезда представителей, съехавшихся 10-го апреля 1919 года в с. Гуляй-Поле Александровского уезда от 72 волостей: Александровского, Мариупольского, Бердянского, Бахмутского и Павлоградского уездов, а также от фронтовых частей 1-го Б-Михайловского, 7-го Заднепровского Украинского, 1-го Люблинского полков, 12-го стрелкового партизанского полка и от Заднепровской Украинской бригады.

Обсудив всесторонне, безпристрастно, без давления какой бы то ни было политической партии, вопросы по докладу с мест и по текущему моменту, и принимая во внимание, что настоящее положение на Украине и в Великороссии характеризуется захватом власти политической партией коммунистов-большевиков, не останавливающейся ни перед какими мерами для удержания и закрепления за собой Государственной власти, с центра вооруженной силой проводящая свою преступную по отношению к социальной революции и трудящимся массам политику. Съезд постановил:

1) Категорически протестовать против незаслуженного присвоения Съезду нижеприведенной телеграммой звания “контрреволюционного”, а также против его разгона. Телеграмма следующего содержания:

“Из Ново-Алексеевки № 283. 10-го 22 ч. 45 мин. По нахождению тов. Батько Махно. Штаб дивизии Александровск. Копия Волноваха, Мариуполь по нахождению тов. Махно. Копия Гуляй-Поле Совету. Копия Александровск Совету.

Всякие съезды созданные от имени распущенного согласно моего приказа Гуляйпольского военно-революционного штаба считаются явно контрреволюционными и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона. Приказываю немедленно принять меры к недопущению подобных явлений. Начальник дивизии ДЫБЕНКО”.

Мы съехавшиеся крестьяне, рабочие и повстанцы, еще раз горячо протестуем против подобного насилия и заявляем, что нас такие приказы не пугают, и мы всегда готовы к защите своих народных прав.

2) Съезд признает, что III Всеукраинский съезд Советов не явился истинным и свободным выразителем воли трудящихся, а потому считаем, что только съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, над волеизъявлением которого не будут чиниться никакие насилия, будет истинным выразителем воли трудового народа.

3) Протестуем против реакционных приемов большевистской власти проводимых комиссарами и агентами чрезвычайок, расстреливающих рабочих, крестьян и повстанцев под всякими предлогами, что подтверждается имеющимися у нас данными.

4) Чрезвычайные комиссии, предназначенные для борьбы с настоящей контрреволюцией и бандитизмом, превратились в руках большевистской власти в орудие для подавления воли трудящихся и достигли размеров, в отдельных отрядах, в несколько сот человек. Требуем все эти прекрасно вооруженные реальные силы отправить на фронт, распределив их по здоровым революционным частям, борющимся с действительной контрреволюцией.

5) Мы требуем немедленного удаления всех назначенных лиц на всевозможные военные и гражданские ответственные посты; протестуем против всякой системы назначенчества, так как их действия носят характер полной измены социальной революции. Мы требуем проведения правильного и свободного выборного начала.

6) Мы призываем товарищей рабочих, крестьян, повстанцев и красноармейцев соблюдать в своих рядах товарищескую революционную дисциплину и к прекращению национальной всякой травли.

7) Мы требуем социализации земли, фабрик и заводов.

8) Мы требуем изменения в корне продовольственной политики, замены реквизиционного отряда правильной системой товарообмена между городом и деревней и насаждения широкой сети Обществ Потребителей и Кооперативов и полного упразднения частной торговли.

9) Мы требуем полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т. е. партиям и группам и неприкосновенности личности работников партии революционных организаций и вообще трудового народа.

10) Диктатуры какой бы то ни было партии категорически не признаем. Левым социалистическим партиям предоставляем свободно существовать только лишь как

проповедникам разных путей к социализму, но право выбора путей оставляем за собой.

Долой комиссародержавие!

Долой чрезвычайки, современные охранки!

Долой борьбу партий и политических групп за власть!

Долой однобокие большевистские Советы!

Да здравствуют свободно избранные Советы трудящихся крестьян и рабочих! Почетный Председатель Съезда Батько Махно Почетный член Съезда Щусь Председатель Съезда Чернокнижный Товарищ Председателя Коган Секретарь Мавроди»[310].

Отсутствие действенной военной помощи и т. д., в это тревожное время, предопределило повстанческий район к сепаратным действиям в вопросах мобилизации сил для фронта.

Съезд высказался за добровольную уравнительную мобилизацию: за борьбу с погромщиками-контрреволюционерами и на основании этого решения Исполком ВРС Гуляйпольского района размножил воззвания: «Воззвание 3-го районного съезда о добровольной мобилизации ОБЪЯВЛЕНИЕ О МОБИЛИЗАЦИИ.

Именем Революции Исполнительный комитет Военнореволюционного Совета Гуляй-Польского района объявляет добровольную уравнительную мобилизацию за 10 лет с 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898 годов включительно.

День мобилизации с 27 апреля 1919 г. Все дела по мобилизации вменяются в обязанность волостной и сельской коллегии на местах.

Крестьяне и рабочие!

Уже Несколько месяцев как проливают свою кровь за свободу и счастье трудового народа некоторые волости Гуляй-Польского района, производившие сами добровольную мобилизацию, оставив на произвол судьбы свои семьи; в то же время другие волости, не сознавая своего революционного долга, ничего не сделали в этом направлении, оставаясь и на дальше такими же нерадивыми к делу освобождения себя от гнета буржуазии. Учитывая такой факт явной несправедливости, Исполком Военно-революционного совета Гуляй-Польского района, согласно постановлению 3-го районного съезда крестьян, рабочих и повстанцев от 10 апреля 1919 г. в с. Гуляй-Поле, придерживаясь принципа “вся власть трудовому народу”, постановил: произвести добровольную уравнительную по годам мобилизацию за 10 лет по всему району одновременно, разбив таковой на военные групповые участки для удобства формирования в полки на местах. Глубоко веря в революционность и сознание своего долга трудовых масс. Исполком Военно-революционного совета уверен, что таковая мобилизация будет произведена быстро и успешно самим народом на местах.

Исполнительный комитет Военно-революционного совета.

Примечание. Лица, не входящие в года мобилизации, допускаются по добровольной записи.

Мобилизация должна быть произведена в следующем порядке, намеченном Исполкомом Военно-революционного совета:

1. Район разбивается на военные групповые сборные пункты с нескольких соседних волостей в одну группу.
2. Волость, избранная как центральная в группе, считается военным групповым сборным пунктом.
3. На сборный пункт должны явиться уже вполне сформированные на местах отделения, взводы, роты (эскадроны) с избранным выборным командным составом, командирами отделений, взводов, фельдфебелями и ротными во главе с ротным комитетом, который должен представить поименные списки в свой сборный групповой пункт.

Примечание к пункту 3:

При выборе командного состава Исполком Военно-революционного совета предлагает придерживаться строго следующего порядка: на должность как командира полка, так и командира отделения выбирать лиц, способных к командованию и знакомых с военной тактикой по опыту прошлой войны.

4. Все сформированные части должны явиться в свой сборный групповой пункт, выстроиться в колонны и приступить к выбору командира полка при строгом выборе на начале; тут же избрать полковой комитет не меньше 10 человек (допустимо больше) и в полковой Военно-революционный суд не меньше 5 человек.

Примечание к пункту 4:

В случае затруднения передвижения всеми частями в групповой пункт допускается сбор только командного состава.

5. После избрания командира полка предоставить ему право совместно с командным составом выбирать по специальности и роду снаряжения все надлежащие команды для полка, как, например, команда связи, разведывательная, телефонная, саперная, санитарный отдел и пр.
6. После всего, когда все приведено в полный порядок, вменяется в обязанность полковым комитетам немедленно представлять именные списки всего состава полка, командного состава с отметкой рода оружия и специальности в Военно-революционный совет с. Гуляй-Поле.
7. Полковые комитеты должны остаться на сборном групповом пункте, а все мобилизованные под руководством своих командиров отправляются на места своего жительства, при соблюдении строгого порядка, без бесчинства, и ждать распоряжения от своего полкового комитета о выступлении.

8. Нумеровка полков будет исходить от Военно-революционного совета, а наименование полка предоставляется право избирать самому полку.
9. Все сформированные части будут направляться на фронт Военно-революционным советом в тесном взаимоотношении со штабом 3-й Заднепровской бригады “батько Махно”.
10. Со дня формирования частей немедленно приступить к занятиям военной тактики и словесности революционного долга.
11. Обязательно установить самую строгую, но солидарную товарищескую дисциплину, строго следить, чтобы не было самочинных выступлений, реквизиций и конфискации, так как это принимает характер грабежа.
12. Из лиц мобилизованных избрать комиссию из 5 человек для определения отсрочки, льготы и медицинского освидетельствования на местах.
13. Полки пехоты делятся на три батальона, батальон — на три роты, рота — на три взвода, взвод — на три отделения. Рота пехоты в строевом боевом составе должна быть численностью 162 человека. Пехотного полка численностью 1 458 человек за исключением всех команд и кавалерии.
14. На сборном групповом пункте должны отделиться пехотные части, артиллерийские части, кавалерийские части.
15. Тем волостям, которые избраны как групповой пункт, вменяется в обязанность назначить срок с указанием числа сбора по мобилизации всю свою группу волостей и сел.

(Далее следовал список групповых сборных пунктов Гуляйпольского района с указанием центрального села каждой группы)»[311].

В воззвании по борьбе с антисемитизмом говорилось:

«Воззвание к рабочим, крестьянам, красноармейцам и повстанцам.

В ряды идейных борцов стали вкрадываться отрицательные, преступные элементы, для которых великая, тяжелая, революционная борьба сделалась громоотводом на пути к издевательствам, насилию и личной наживе с одной стороны и сознательной, явной услуги контрреволюции, с другой.

Еврейская беднота стала истекать кровью от грязных рук сознательных и бессознательных контрреволюционеров.

На светлом ярком фоне революции появились темные, несмываемые пятна запекшейся крови бедных мучеников-евреев. Величественная драма революционного повстанческого движения омрачена безумной, дикой вакханалией антисемитизма, священная идея революционной борьбы поругана, оплевана чудовищным кошмаром зверского издевательства над еврейской беднотой, влачащей жалкое, рабское, нечеловеческое

существование.

Ваш революционный долг — закричать громко, во всеуслышание, против еврейских погромов, против избивания и вырезывания мирных еврейских жителей.

Товарищи повстанцы! В настоящий момент, когда на русскую народную революцию, начавшуюся с рабоче-крестьянских низов, обрушился интернациональный враг — буржуазия, империалисты и бюрократы всех стран и всех оттенков сеют в рядах трудовых масс национальную травлю, для того чтобы подорвать революцию и пошатнуть главный фундамент классовой борьбы — солидарность и единение всех трудящихся — вы должны, как один, выступить против всех сознательных и бессознательных контрреволюционеров, провоцирующих дело освобождения трудового народа от капитала и власти.

Ваш революционный долг — пресечь в корне всякую национальную травлю и беспощадно расправляться со всеми прямыми и косвенными виновниками еврейских погромов.

Все лица, сеющие национальную травлю, точно так же, как и те бандиты, которые вырезают мирных еврейских обывателей, являются явными врагами трудящихся и революции. Они должны быть сметены с лица земли самым беспощадным образом.

Товарищи повстанцы. Очистите ваши ряды от бандитов, грабителей и погромного элемента.

Исполком Военно-революционного совета Гуляйпольского района.

Н. Махно. Б. Веретельников»[312].

На первую открытую атаку и ущемление большевиками (телеграмма Дыбенко) прав и свобод революционного района повстанцы отпечатали ответ Дыбенко, что и характеризует позиции обеих сторон. В нем говорилось:

«КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЛИ?

“Тов.” Дыбенко объявил созванный в с. Гуляй-Поле на 10 апр. с. г. съезд контрреволюционным, а организаторов такового — вне закона, к которым должны быть применены, по его словам, самые суровые репрессивные меры...

Но прежде чем объявить съезд контрреволюционным, “тов.” Дыбенко не потрудился узнать: от чьего имени и для чего созывался таковой, и благодаря этому, он объявляет, что съезд созывался от имени распущенного Гуляй-Польского Военно-революционного штаба, а на самом деле таковой созван Исполнительным Комитетом Военно-революционного Совета. Поэтому последний, как виновник созыва съезда, не знает, считает ли его “тов.” Дыбенко вне закона.

Если да, то позвольте “Вашу Высокопоставленную” личность познакомить с тем, кто и для чего созывал этот (по вашему явно контрреволюционный) съезд, и тогда, может быть, вам не будет он таким страшным, как вы его рисуете.

Съезд, как сказано выше, созывался Исполкомом Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района на 10 апреля в с. Гуляй-Поле (как центральное село). Называется третим районным Гуляй-Польским съездом. Созывался для указания дальнейшего направления деятельности Военно-революционного Совета. (Видите, “тов.” Дыбенко, уже три таких “контр-революционных” съезда было). На вопрос: “Откуда взялся и для чего создан районный Военно-революционный Совет?” Если вы, “тов.” Дыбенко, не знаете, то мы вас познакомим. Районный Военно-революционный Совет образован согласно резолюции второго съезда, бывшего в с. Гуляй-Поле 12 февраля с. г. (видите как давно, когда вас здесь еще не было) для того, чтобы организовать фронтовиков и провести добровольную мобилизацию, так как вокруг были кадеты, а повстанческих отрядов, составленных из первых добровольцев, недостаточно было для того, чтобы занять широкий фронт. Советских войск в нашем районе никаких не было, да от них население района и не ждало большой помощи, а считало своим долгом самозащиту. Вот для этого-то и был образован Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района, куда, согласно резолюции второго съезда, вошло по одному представителю от волости, а всего — 32 человека от волостей Екатеринославской и Таврической губ.

О созданном Военно-революционном Совете разъяснение будет ниже, а теперь у нас создался вопрос: откуда взялся, кто создавал второй районный съезд; от кого было разрешение, и объявлен ли тот, кто созвал его, вне закона, а если нет, то почему? Второй районный съезд в с. Гуляй-Поле созван инициативной группой из пяти человек, избранных на первом съезде. Второй съезд состоялся 12-го февраля с. г., и к великому удивлению, созвавшие его, не были объявлены вне закона, так как в то время не было такого героя, который бы дерзнул на права народа, добытые собственной кровью. Теперь опять перед нами вопрос: откуда взялся и кто созвал первый районный съезд не объявлен ли тот вне закона, а если нет, то почему? Вы, “тов.” Дыбенко, как видимо, молоды в революционном движении на Украине и вас нам приходится знакомить с самым началом революционного движения на Украине. Ну, что же, мы познакомим, а вы, познакомившись, быть может, исправитесь немного.

Первый районный съезд был 23 января с. г. в первом повстанческом лагере в с. Б. Михайловка из представителей от волостей, близко находившихся к фронту. В то время советские войска были где-то далеко, далеко. В то время район был отрезан от всего мира: с одной стороны кадетами, а с другой — петлюровцами, и в это время лишь один повстанческий отряд во главе с батько Махно и Щусем, наносили удар за ударом кадетам и петлюровцам. В селах и деревнях организации и общественные учреждения были не однообразны по названию. В одном селе был Совет, в другом — Народная Управа, в третьем — Военно-революционный Штаб, в четвертом — Земская Управа и пр., но дух был у всех революционный, и для укрепления фронта, для установления чего-либо однообразного в районе и был созван съезд.

Его никто не созывал, он сам по себе съехался с согласия населения. На съезде возник вопрос о том, чтобы вырвать из армии Петлюры своих братьев, насильно мобилизованных, и для этого была избрана делегация из пяти человек, которым был дан наказ проехать через штаб батько Махно и др., где будет нужно, в армию украинской директории (имени Петлюры), дабы заявить своим братьям мобилизованным, что их обманули и что им следует

оттуда уйти. Этой же делегации было поручено, по возвращении ее обратно, собрать более обширный съезд для организации всего очищенного от контрреволюционных банд района, для создания более могучего фронта. Делегаты, возвратившись, созвали второй районный съезд вне всяких партий, власти и закона, ибо вы, “тов.” Дыбенко, и подобные вам законники, в то время находились далеко-далеко, а герои, вожди повстанческого движения, к власти над народом, который собственными руками разорвал цепи рабства, не стремились, а потому и съезд не был объявлен контрреволюционным, а создавшие его — вне закона.

Вернемся к районному Совету. С появлением Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района в свет, в район прорывается советская власть. Но ведь с появлением Советской власти Районный Совет не имел права оставить дела невыполненными, согласно вынесенной резолюции на старом съезде. Он должен был выполнить данный ему съездом наказ, ничуть не уклоняясь в сторону, ибо Военно-революционный Совет не есть приказывающий, а только исполнительный орган. И он продолжал работать по мере своих сил, и работа была только в революционном направлении. Постепенно советская власть стала оказывать препятствия в работе Военно-революционного Совета, а комиссары и проч. ставленники советской власти на Военно-революционный Совет стали смотреть, как на контрреволюционную организацию. И вот члены Совета решили созвать третий районный съезд на 10 апреля в с. Гуляй-Поле, для указания дальнейшего направления деятельности Совета, или, может быть, съезд найдет нужным ликвидировать его. И съезд собрался. На съезд съехались не контрреволюционеры, а те, кто первыми подняли знамя восстания на Украине, знамя социальной революции, для согласованности общей борьбы со всеми угнетателями. На съезд явились представители от 72 волостей разных уездов и губерний и от нескольких воинских частей и нашли, что Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района необходим, и пополнили его Исполком, поручив ему провести в районе добровольную уравнительную мобилизацию. Съезд не мало удивлялся телеграмме “тов.” Дыбенко, объявлявшему съезд “контрреволюционным”, в то время, когда этот район первый поднял знамя восстания, и на телеграмму вынес горячий протест.

Вот перед вами картина, “тов.” Дыбенко, которая должна Вам открыть глаза. Опомнитесь! Подумайте! Имеете ли вы, один человек, право объявлять слишком миллион народа контрреволюционерами, который своими мозолистыми руками сбросил цепи рабства и теперь сам, по своему усмотрению строит свою жизнь?

Нет! Если вы истинный революционер, вы должны помогать ему в борьбе с угнетателями, в строительстве новой свободной жизни.

Могут ли существовать законы нескольких человек, заявивших себя революционерами, дающие право объявлять более революционный народ вне закона? (Исполком Совета олицетворяет собою всю массу народа).

Допустимо ли и благоразумно ли вводить законы насилия в стране того народа, который только что сбросил всех законников и всякие законы?

Существует ли такой закон, по которому революционер имел бы право применять самые суровые меры наказания к той революционной массе, за которую он борется, и за то, что народная масса без разрешения взяла то хорошее, — свободу и равенство, — что революционер обещал?

Может ли народная революционная масса молчать тогда, когда революционер отбирает у нее добытую ею свободу?

Следует ли по закону революции расстреливать делегата за то, что он стоит за проведение в жизнь данного ему наказа избравшей его революционной массы?

Чьи интересы должен революционер защищать: партии или того народа, который свою кровь двигает революцию?

Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района стоит вне зависимости и влияния всяких партий, а только народа, избравшего его. А потому его обязанность проводить в жизнь то, что поручил ему избравший его народ и не препятствовать всем левым социалистическим партиям проповедывать свои идеи. А потому, если большевистская идея среди трудящихся будет иметь успех, то Военно-революционный Совет, с точки зрения большевиков, организация явно контрреволюционная, заменится другой, “более” революционной большевистской организацией. А покамест не мешайте нам, не насиуйте нас.

Если вы, “тов.” Дыбенко и подобные вам, будете вести в дальнейшем такую политику, как раньше, и если думаете, что она хороша и добросовестна, то тогда уж продолжайте свои грязные делишки. Объявляйте вне закона всех инициаторов районных съездов и тех съездов, которые созывались тогда, когда вы и ваша партия сидели в Курске. Объявляйте контрреволюционерами всех, кто первые подняли знамя восстания, знамя социальной революции на Украине и везде пошли без вашего позволения, в точности не по вашей программе, а взяли левее. Объявите вне закона и всех тех, которые послали своих представителей на районные съезды, признанные вами контрреволюционными. Объявите вне закона и всех павших борцов, которые без вашего позволения приняли участие в повстанческом движении за освобождение всего трудового народа. Объявляйте все революционные съезды, собравшиеся без вашего разрешения, контрреволюционными и незаконными, но знайте, что правда силу побеждает и Совет не откажется, несмотря на угрозы, от выполнения возложенных на него обязанностей, ибо он на это не имеет никакого права и не имеет права узурпировать права народа.

Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района: Председатель: Чернокнижный, тов. пред-ля Коган, Секретарь: Карabet. Члены: Коваль, Петренко, Доценко и др.»[313].

В отместку на этот ответ комдиву Дыбенко, власть имущие повели очередную волну недостойных действий.

Грозную опасность для Советской республики представлял первый объединенный поход Антанты. Поэтому 11 апреля 1919 г. был объявлен декрет Совнаркома о мобилизации в Красную Армию призывников 1886–1890 годов рождения.

Что касается действий Председателя РВСР Л. Троцкого, то он по-прежнему не предпринимал никаких серьезных военных контрмер против белых в Донбассе.

12 апреля в его статье «Борьба за Волгу» нет и слова, указывающего на опасность с юга. Ни в одной из речей, статей, ни в одном из приказов того периода не упоминается об опасности в Донбассе.

Деникин уже развивал успешное наступление по фронту, и 3-я бригада Заднепровской дивизии несмотря на военные трудности и неурядицы проявила стойкость, отбиваясь винтовками как палками, так как на винтовку в круговую имелось по два-три патрона.

Правдиво рисует картину боя под Новониколаевкой политком 3-го резервного полка Ступаков в своем докладе в политотдел 2-й Украсмии. (Большая группа Харьковского направления).

«1919 г. апреля 5 дня я, Ступаков Михаил, был назначен политкомом 3-го резервного полка, который был расположен в г. Мелитополе, 6 апреля с. г, я прибыл в полк, и 6-го была получена телеграмма от командующего дивизией т. Дыбенко, чтобы полк выступил по направлению ст. Волновахи. Я в самом срочном порядке собрал весь полк и первым долгом объявил красноармейцам, что я ваш политком, и стал проводить митинг. Но когда я провел митинг, то пришел к тому заключению, что ни в коем случае такой полк нельзя посылать на позицию; и когда я объявил красноармейцам, что во что бы то ни стало должны выступить на позиции, все красноармейцы единогласно заявили, что мы не пойдем, потому что мы разуты и половина нас безоружна. И действительно, много было совершенно босых и плохо вооруженных. Тогда я, Ступаков, вызвал по прямому проводу начальника штаба т. Сергеева и обрисовал т. Сергееву настроение красноармейцев и их недостатки как в политическом отношении, так и в боевом, потому что командный состав был не на своем месте, и плюс к тому в полку не было ни одного коммуниста, и также политработника. В заключение всего этого я передал в штаб дивизии, что полк можно послать не раньше как через две недели. Весь этот разговор т. Сергеев передал т. Дыбенко, и после этого была получена следующая телеграмма: “Выступить в 24 часа по направлению на ст. Волноваха”. Тогда я принял все усилия, обезоружил 3-ю роту, которая больше всех агитировала и не хотела идти на фронт. 7-го полк был погружен в два эшелона и отправлен по месту назначения. По дороге догнал т. Дыбенко и выдал нам оружие. Оружие было разных образцов, как-то: берданки со свинцовыми пулями, австрийские, итальянские и проч. При полку было три-пулемета, которые были неисправны. В полку не было ни одного телефона и даже телефонной связи. 11 апреля в селе Слеповка были разбиты 2-й и 3-й батальоны, которые находились под командой т. Шапошникова, пом. командира. Я с командиром полка т. Киреевым был при 1-м батальоне, с которым мы направились в с. Слеповка, куда были направлены 2-й и 3-й батальоны, только другой дорогой, где их окружили и разбили. 12 апреля я с 1-м батальоном выступил в Николаевку в 5 час. утра в Новониколаевке мы были окружены неприятелем со всех сторон кавалерией и пехотой при броневом автомобиле, трехдюймовом орудии и пулеметах, а у нас были берданки и один испорченный пулемет, из которого не удалось выстрелить ни одного патрона. Мне удалось прорваться с несколькими красноармейцами и добраться до ст. Волноваха.

По распоряжению Махно был отправлен с остальными красноармейцами на ст. Пологи, где застал остатки своих красноармейцев в числе 400 человек и по распоряжению политкома дивизии возвратился в дивизию»[314].

Командарм 2 Скачко 12 апреля приказал Дыбенко: «Бригада Махно осталась в полном Вашем подчинении. Вы ответственны за нее и за левый фланг группы. Предписываю Вам сосредоточить на левом фланге все силы, какие имеются в Вашем распоряжении, хотя бы из-за этого и произошел ущерб Крымской операции и решительным ударом ликвидировать прорыв противника на стыке бригады Махно и 9-й дивизии»[315].

В это же время Скачко сообщал командукра: «Получено донесение, что противник, действуя кавалерийскими частями, вновь прорвал фронт на стыке Укрфронта и Южфронта и занял село Новониколаевское, что в семи верстах от Волновахи, Карами, Розенфельд... Резервы Дыбенко исчерпаны. Он выслал последний батальон и просит подкрепления, мне нечего дать ибо у меня ничего нет. Новый прорыв произведен опять-таки кавалерией Шкуро, бросившейся на Новотроицкое и опрокинувшей части Южного фронта. Без подкрепления и главное без кавалерии ликвидировать прорыв нечем»[316].

Для таких боевых действий сил у повстанцев было мало. Мы буквально изнемогали, нет патронов, нет пополнений.

Представляя худший вариант развития операции и пустое обещание помощи, я решил срочно ехать в штаб бригады в Гуляйполе, выбивать патроны и пополнение.

К счастью там уже раскачались и Покровский полк Петренко был готов к посадке в вагоны.

Махно, Озеров, Чубенко, Черняк, Уралов, Каретников и я заняли места в одном из классных вагонов.

Три эшелона повстанцев стояли на путях и как только мы двинулись, они пошли один за другим: так прибыли с Гуляйполя в Пологи.

Я и Петренко, продолжали путь на Волноваху, а остальные с Махно уехали на Бердянск.

Тогда же общегородской Екатеринославский комитет партии сообщал: «Махновцы ведут переговоры с Григорьевым об одновременном выступлении против Советов. Нами задержан сегодня делегат Махно к Григорьеву. Просим принять срочные меры к ликвидации махновцев, так как сейчас в районе Махно нет никакой возможности работать коммунистам, которых подпольно убивают; в дальнейшем возникнут очень серьезные волнения»[317].

А Скачко все требовал от Дыбенко: «Предписываю Вам немедленно переехать из Крыма на Ваш левый фланг для личного руководства операциями у Волновахи, где положение приобретает угрожающий характер»[318].

Дыбенко 13 апреля отвечал: «Ввиду сложившихся обстоятельств Крыма, требующих моего личного присутствия, сегодня выехать не могу. Все меры приняты восстановления положения на участке 3-й бригады»[319].

Дыбенко уклонялся от оказания помощи нашей бригаде и от ответственности за наш фронт и продолжал крымскую операцию.

Но командарм 2 Скачко требовал уже категорически. На что Дыбенко 14 апреля отвечал: «Войска Крымского направления переутомлены, разуты и раздеты, перебросить нет возможности, в случае переброски нет гарантии, что люди не разбегутся. Сейчас бросил на Донской фронт 1-й ударный полк. Принимаю меры к снабжению винтовками невооруженных частей бригады Махно. Посылаю артиллерию, винтовок 4 тыс., к ним патронов. Выехать не представляется возможности, так как идет бой за обладание Севастополем, чем кончается Крымская операция»[320].

13 апреля командукр, обеспокоенный положением дел телеграфировал Наркомвоен Подвойскому: «В связи с печальным положением в Донецком бассейне, где 9-я дивизия бежит в панике и где уже занята Волноваха, необходимо самое спешное вооружение 4-й дивизии, из которой один полк совершенно готов. Из Харькова мне сообщают, что нет винтовок, орудий и пулеметов, что нужно немедленно из Киевского арсенала направить в Харьков 3 000 винтовок и 40–50 пулеметов. Прошу уведомить о результате»[321].

14 апреля командарм 2 просил командукра:

«На Волновахском направлении противника действует корпус Шкуро. Пять Тысяч великолепной дисциплинированной кавалерии из кубанцев и горцев, неподдающиеся политическому разложению. При летней погоде и в нашей степи одна пехота даже в четвертном количестве справится с такой кавалерией не может. Это аксиома начальной тактики. Вытаскивайте с запада вашу кавалерию и бросайте ее к нам на восток, иначе дело будет плохо»[322].

И тогда же командарм 2 Скачко телеграфировал:

«Никогда, ни в одном оперативном приказе, Дыбенко не давалось указания двигаться в глубину Крымского полуострова. Наоборот, было дано указание занять проходы и укрепления на них, не увлекаться движением вперед. Дыбенко двинулся к Симферополю самовольно, не донеся мне об этом. Кроме того сейчас прорыв фронта произошел не в районе моей армии, а в районе Южфронта, ибо Волноваха лежит за нашей разграничительной линией. Прорыв допущен не подчиненными мне частями, а частями Южного фронта. Я очутился в затруднительном положении и принужден настойчиво просить подкрепления, только из-за крушения правого фланга Южфронта, за который ответственности нести не могу.

(14 апреля. № 0793)»[323].

В это же время на Дыбенко и Махно в разные инстанции шли жалобы на захват ими продовольствия, фуража и других грузов.

15 апреля Раковский писал командукру:

«В то время, как в Донецком бассейне идет бунт рабочих и мы не знаем, что делать, откуда загрести несколько вагонов хлеба, чтобы утолить их голод, Махно и Дыбенко захватывают все, что направляется в Донецкий бассейн. Вот содержание только что полученной мною телеграммы: “Рузеру, в Начкомпрод Киев, копия Беляковской, копия тов. Раковскому № 174. Мною были погружены на ст. Тульново по адресу Донбасса 17 вагонов муки пшеничной, на ст. Полугород — восемь вагонов пшеницы, на ст. Большой Токмак — 15 вагонов соломы. Все это захватным порядком вывезено штабом Махно. Меры к возврату этих грузов и оградите нас от подобных набегов. Уполнаркомпрода Чернов”. По сообщениям из Харькова до сих пор Махно и Дыбенко перехватили 90 вагонов, предназначенных для Донбасса. Между прочим оказывается, что из этих захваченных вагонов они отправляют подарки в Москву. Если не примете срочных мер, чтобы забранное было возвращено и чтобы был положен конец этой бешибузукской политике, буду вынужден принять сделанное предложение, объявить Дыбенко и Махно врагами пролетариата, невзирая на политические последствия»[324].

Командукр разразился гневной телеграммой:

«Немедленно направьте следствие по поводу обвинения нападающих на Махно и Дыбенко в захвате хлебных грузов и фуража предназначенных для работы Донбассейна. Предупредите Махно и Дыбенко, что если подтвердится факт хищения таких грузов и если похищенное не будет возвращено, то Дыбенко и Махно будут объявлены врагами рабочих со всеми вытекающими из сего последствиями, точка. Если же обвинение возведенное на Махно или Дыбенко ложно то преданы суду будут их обвинители как умышленно подрывающие уважение к Красной Армии. НР 804 л/к»[325].

В ответ на эту телеграмму весьма резко ответил 16 апреля командарм 2 Скачко:

«Мелкие местные чрезвычайки ведут усиленную компанию против махновцев и в то время, когда те проливают кровь на фронте, в тылу их ловят и преследуют за одну только принадлежность к махновским войскам.

Глупыми, бестактными выходками мелкие чрезвычайкомы определенно провоцируют махновские войска и население на бунт против советской власти. То же самое происходит и в Херсонщине по отношению к войскам Григорьева. Председатели губчрезвычайкомов на мои обращения отвечают, что они сами отлично видят всю бестактность подчиненных им комиссий, но у них нет подходящих работников. Так дальше продолжаться не может: работа местных чрезвычайок определенно проваливает фронт и сводит на нет все военные успехи, создав такую контрреволюцию, какой ни Деникин, ни Краснов никогда сделать не могли. Ввиду безвыходности положения, создавшегося неимением подходящих работников для чрезвычайок, обстановка властно диктует необходимость сведения чрезвычайок на русское положение, т. е. уничтожение всех уездных и прифронтовых и оставление одних губернских и передачи всей борьбы с контрреволюцией во всех пределах армии в руки военных особых отделов, подчиненных командармам. Прошу довести до сведения правительства о необходимости самого срочного проведения в жизнь этой меры. В случае отказа я буду вынужден провести эту меру в пределах своей армии собственной властью и пусть меня тогда вешают, как бунтовщика, ибо я предпочитаю лучше быть повешенным, нежели смотреть, как все завоевания Красной Армии сводятся на нет глупостью»[326].

Следствие, проведенное над Махно и Дыбенко, определило, что Дыбенко совершенно чист; вина Махно оказалась не столь значительной, ибо задержано им незначительное количество грузов ввиду совершенно исключительной обстановки[327].

И тогда же: «Экстренно, комфронта Антонову.

Как я и предвидел, Мариуполь противником взят. Так же взяты им Сартаны и Мангуш. Противник продвигается по направлению на Бердянск и довольно быстро; возможно, что и Бердянск постигнет судьба Мариуполя. Противопоставить движению противника нечего, ибо 3-я бригада Махно, находясь непрерывно более трех месяцев в боях, получая только жалкие крохи обмундирования и имея в придачу таких ненадежных соседей, как 9-я дивизия, совершенно истощилась и можно считать 3-ю бригаду временно вышедшей из строя. Частей 2-й бригады из Крыма перебросить также нельзя, и эти части вконец измучены, голы и босы и держатся только потому, что втянуты в бой. При переброске частей 2-й бригады, сплошь состоящих из уроженцев района Мелитополя-Пришиб, непременно разойдутся по домам. Ударный полк, который был брошен Дыбенко из Крыма на Волноваху в районе Пришиба, весь разошелся по домам, хотя на фронте он был одним из лучших полков. Дыбенко на упрек, что он не исполнил оперативного приказа и увлекся самовольно в глубину Крыма, отвечает, что сделал это по необходимости, ибо после взятия Сиваша и Перекопа в полках 2-й бригады оставалось всего 500-600 человек и только вид разбитого и бегущего противника повлек полки в дальнейший бой в глубину Крыма. Будь тогда сделана попытка перебросить части на другой участок фронта, люди сочли бы это предательством и не исполнили бы приказа. Сейчас полки бригады у ворот Севастополя ведут переговоры с французским командованием о занятии города. Добровольцев в Севастополе нет, они уже ушли. Взять оттуда полки 2-й бригады невозможно. Следовательно, весь Мариупольский фронт от Гришине до Бердянска открыт, и противнику путь освобожден вплоть до Перекопа и Александровска. Дыбенко называет положение катастрофическим, и я повторяю то же... Настоятельно требую присылки, кроме бригады Покуса и 15-го полка, еще одной трехполковой бригады с артиллерией и кавалерией. Тrequю, чтобы эти подкрепления были даны мне не через неделю, а в двухдневный срок, иначе уже будет поздно...

Не снимаю с себя ответственности, ибо, как военный, я знаю, что должен до конца нести ответственность и за усталость своих войск, и за неспособность своих подчиненных, и за нежелание тыла дать нам обмундирование, за непонимание серьезности положения выше меня стоящими начальниками. Но не снимая с себя ответственности, я предупреждаю, что, если в трехдневный срок мне не будет дано четыре пехотных полка, два кавалерийских и два артиллерийских дивизиона, то Бердянск-Мелитополь-Пологи, а может быть, и Александровск, будут взяты противником.

Командарм 2 Скачко»[328].

15 апреля Начальник пункта № 4 Особого Отдела г. Александровска т. Гинтер докладывал Нач. Особ. Отдела Армиями Украинского фронта т. Рассудовскому:

«Сообщаю вам, что полученные от вас инструкции от 9-го апреля за № 550 исполнять не имею возможности за недостатком сотрудников местной партии коммунистов, сотрудников

не имеется, а от местных сотрудников я принужден отказаться, а именно, потому, что вверенный мне участок, т. е. Александровский уезд пропитан анархическим и эсеровским духом. Все местные учреждения переполнены анархистами, левыми эсерами форменными саботажниками (наприм. Уездный Военком, из его штата 130 человек нашлись какие-то искалеченные, подозрительные коммунисты в числе 16-ти человек. Во вверенный мне участок входит и 3-я бригада 1-й Заднепровской дивизии, т. е. известные отряды разных бандитов и хулиганов "Батьки Махно". Численность этой бригады никому не известна. Поскольку удалось выяснить, что 3-я бригада получает жалование на 15 (пятнадцать тысяч) человек, но на самом деле состав этой банды от 25 000 до 30 000 человек, а может быть и больше: штаб дивизии определенно сказать не может. Именуют они себя то анархистами, то левыми эсерами и партизанами. На месте, т. е. в гор. Александровске существует фракция анархистов с активными членами 300 человек с лишним. На какую струну играет местная партия коммунистов, опеределенно, еще выяснить не удалось. С пятью человеками сотрудников, находящихся у меня, в том числе и я сам, обслуживать вверенный мне участок никто не способен: при таком положении пункт может только информировать, но не приступить к активной работе.

Ввиду выше изложенного, а также основываясь на доклад т. Кузьмину, пункт активно действовать не может и движения дел никаких предоставить не могу, могу только информировать Вам и тов. Кузьмину»[329].

А военные действия шли своим чередом.

Белогвардейская газета «Вольная Кубань»от 3 (16) апреля 1919 г. писала: «Доблестная конница генерала Шкуро 30 марта захватила селения и станцию Еленовка, а после упорного боя овладела станцией Новотроицкой и Новониколаевское. В этом бою доблестные терцы окружили колонну пехоты противника и, перебив с несколько сот красных, захватили много пленных, орудий, пулеметов и обозы. Кроме того, полностью захвачен весь командный состав и штаб 3-го резервного Советского полка. Продолжая энергичное наступление, наши части после упорного боя заняли Волноваху и овладели волновахским железнодорожным узлом, захватив много пленных и большие обозы... В Мариуполе большая паника».

Командарм 2 телеграфировал командукру:

«Волноваха взята противником. Мариуполь отрезан. Прорыв расширяется, у противника появилась уже пехота. Вся серьезность положения в том, что части 9-й дивизии панически бегут, и полки самовольно снялись с позиций у Волновахи и, угрожая комендантам станций оружием, приказали вести себя через Пологи в Гришине, ссылаясь на то, что будто существует такой приказ начдива 9. Некоторые эшелоны этих частей добежали уже до Полог. Чтобы задерживать в Пологах и для приведения их в порядок, высылаю в Пологи мой последний резерв — батальон интернационалистов под руководством Тимошенко. Махно выехал в Мариуполь на фронт, но он не сможет проникнуть к месту боя, так как Волноваха в руках противника. Дыбенко в Симферополе, ему отдан приказ выехать в Пологи. По моему приказанию из Крыма перебросить один полк на Пологи. Но ввиду того, что все части 9-й дивизии по вчерашнему докладу комитета гришинских коммунистов не представляют никакой боевой силы, одного полка мало. Мы можем считать, что весь наш левый фланг,

начиная от Гришине и Волновахи, совершенно смят. Ввиду этого необходима самая экстренная поддержка надежными украинскими частями... Настаиваю на экстренной даче мне одной бригады с кавалерийским полком. Это не паника. Но должно же быть ясно, что из ничего и не сделаешь ничего...

Без подкреплений от фронта, состоящих из надежных украинских частей, мне восстановить положение нечем. Докладывая об этом, считаю, что ответственность за дальнейшее ухудшение положения лежит не только на мне, но и на фронтовом командовании»[330].

По фронту шли жесточайшие оборонительные бои, но все уже знали о прорыве Шкуро и намерении белых окружить наши полки под Мариуполем.

Мы просили действенной помощи. И командарм 2 вторил нам обращаясь к командукру Антонову-Овсеенко:

«Сейчас получил донесение, что противник занял Мангуш, Стародубовскую, Николаевск и еще некоторые пункты на полдороге от Мариуполя к Бердянску и обнаруживает намерение двигаться дальше. Положение под Волновахой, бывшее неопределенным, сейчас явно изменилось к худшему. От Махно Дыбенко получена самая отчаянная телеграмма, в которой он требует немедленной посылки каких бы то ни было вооруженных сил. Вопрос о Севастополе еще не разрешен. На Феодосийском направлении завязались серьезные бои, ввиду чего в Крыму задержаны кавалерия и артиллерия, которые должны были быть посланы в 3-ю бригаду. Сбывается то, что я предвидел и телеграфировал вам... По дополнительному докладу члена Реввоенсовета Тищенко вполне подтверждается мое донесение, что бригаду Махно следует считать не существующей, а фронт от Мариуполя до Еленовки обнаженным. Поэтому необходимо в кратчайший срок занять этот фронт другими частями, а части бригады Махно отвести в тыл для формирования»[331].

16 апреля Главком Вацетис требовал от командукра:

«Для окончательной ликвидации сопротивления противника на Южном фронте, на котором противник развернул максимум своих сил, необходима самая энергичная поддержка 3 бригады, которая наступает на таганрогском направлении крайне медленно и почти не имеет успеха. Предлагаю Вам немедленно выслать для поддержки этой бригады еще одну бригаду Заднепровской дивизии»[332].

Командукр видел предвзятое отношение должностных лиц к Украине и иногда действовал не соблюдая субординации и высказывания суждения по существу. Завязалась полемика, которая перешла на страницы «Известия Наркомвоен»(№ 70) статьей П. Коробова предоставленным как собственным корреспондентом газеты. В статье резко критиковалась стратегическая работа командования Укрфронта, в духе рассуждений Главкома Вацетиса.

16 апреля командукр отозвался в редакцию:

«Москва “Известия Наркомвоен” копии Предревсовету, Серпухов, Главкому Вацетису.

Требую помещения в вашей газете моего “письма в редакцию”.

Ваш неизвестный мне корреспондент в № 70 “Известия” критикует мою военную работу. Следовало бы до критики знать то, что критикуешь. Ваш корреспондент ни разу не был в штабе Укр. фронта, и его статейка полна фактической неправды.

Даю краткий отчет действий Киевской группы... (следует перечень успешных маневров и побед — А. Б.)

Стоим у порога Галиции и на освобожденном от врага Черноморском побережье.

Заключение: страницы “Известий Наркомвоен” не место для личных выпадов против командфронтами.

Командующий армиями Укрофронта, Антонов»[333].

И на следующий день, очевидно, после анализа, консультаций и бессонной ночи в адрес Совета Труда и Оборона т. Ленину сообщалось:

«Наши формирования тормозятся: 1) недостатком винтовок, обуви, обмундирования; 2) слабостью кадров (особенно артиллерийских); 3) бюрократизмом учреждений военного ведомства (Подвойский развел невероятно сложную машину военкомов — уездные, губернские, три областных и наконец, наркомвоен; все это “учитывает”, “приводит в порядок”, рассчитывает и т. д., а больше по полочкам раскладывает); 4) бездеятельностью отдела военных заготовок, совнархоза и Чрезкомснабарм; 5) почти полным отсутствием политработы и в армии, и, в особенности, среди населения (целые и важнейшие районы, особенно Киевская губерния, Волынская, да и Херсонская отданы безраздельно левоэсерам и просто местному чертополоху); 6) и это самое главное — неправильным направлением всей политики Ук(раинского) правительства.

Наша, почти исключительно, крестьянская армия — расшатывается политикой, смешивающей середняка с кулаком (согласно новой резолюции ЦК УКП), проводящей “продовольственную диктатуру”, при поддержке московских продармейцев, при почти полном отсутствии Советской власти на местах (в селах).

В Правобережной Украине работа чрезвычайек и продэкспедиторов, опирающихся на “интернациональные” отряды, возрождает национализм, поднимая на борьбу с “оккупантами” все население без различия.

Земельная политика, проводимая Мещеряковым, не считается с местными особенностями; неуклюжая редакция земельных декретов и мещеряковских статей способствует той ненависти к коммунистам, которую старательно сеют многочисленные наши недруги.

Украинская армия, которую строили не одни коммунисты, но и украинские эсеры, левые эсеры, анархисты, плохо поддается дисциплине, далеко не изжила партизанского, повстанческого духа и отнюдь не может в массе своей считаться вполне надежной нашей опорой. Наша земельная и национальная политика на Украине в корне подрывает все усилия военных перебороть эти разлагающие влияния.

Я вижу, как наша армия пухнет нездоровой опухолью, и вижу, как в ней созревает распад.

Необходимо: 1) ввести в Украинское правительство представителей партий, связанных со средним и мелким крестьянством (незалежных с.-д. и украинских эсеров); 2) изменить земельную политику в духе соглашения со средним крестьянством; 3) заставить работать Наркомвнудел по организации Советской власти на местах; 4) заставить наезжих “великороссов” с величайшим тактом относиться к местным людям и местным особенностям; 5) прекратить хищническое (хапающее) отношение к хлебу, углю Украины; 6) побудить партию бросить две трети своих сил в деревню и армию; 7) сократить на две трети все советские учреждения, бросив работников вглубь на практику; 8) донецких рабочих двинуть в ряды нашей крестьянской армии; 9) в продовольственной политике проводить не продовольственную, а производственную диктатуру.

Надо торопиться!»[334].

Командукр был честен и прав объективно рисуя положение на Украине.

Большая вина в этом лежит на тогдашнем секретаре ЦК КП(б)У Г. Пятакове и председателе Совнаркома Х. Раковском, вредная троцкистская политика которых нарушила союз рабочего класса и крестьянства, вводя между ними антагонизмы, отталкивая зажиточное, среднее да и в большей степени бедняцкое крестьянство от коммунистической власти.

На требования В. И. Ленина и Троцкого поддержать Донбасс командукр отвечал: «На Донецкий бассейн с Укрфронта мною отдана уже 9-я дивизия, интербригада, укрбригада, бригада Махно в шесть полков, три бронепоезда. Теперь отправляю два бронепоезда, бригаду пехоты, десять орудий, полк кавалерии и еще кое-что пошлю, для чего еду в Одессу, Екатеринослав, Пологи. Наступление на Крым ведется почти исключительно местными силами: организовав их, создадим угрозу из Керчи Новороссийску — тылу добровольческой армии. При энергии возможна, вопреки мнению кабинетных людей, переброска войск Керчинским проливом. Повторяю, это будут местные силы, и двинуть их на иное не удастся...»[335].

Между тем, подъезжая с полком Петренко к станции Розовке, мы не обнаруживали признаков близкого присутствия неприятеля. Вдруг показался казачий разъезд, за ним, со стороны немецких колоний (от Мариуполя): Шенбаум, Кальчиновка, Ней-Ямбург и Шенфельд кавалерийские колонны. Заметив нас на станции в эшелонах, они бросились в атаку. Но мы успели занять позиции: стрелки залегли в вокзале, за насыпью, в вагонах (Покровский полк тогда насчитывал до 3 000 штыков, при 7-ми пулеметах). Открылась частая стрельба и неприятель поспешил в балки.

Вскоре он снова появился, но уже в конных цепях летел на нас казачьей удалью. Снова «ура» и залп за залпом. Вдруг ударило картечью, под самым носом и впереди нас разорвало полотно. Ударило другой, третий раз: атака только разгоралась. Неприятель колоннами обходил фланги, его горная батарея обстреливала эшелоны и станцию, трудно было нам парировать, и мы начали отход в поле.

Но что это?.. Один, другой, третий!.. Снаряды летели через нас и рвались на станции, занятой казаками. По взрыву можно было судить, что бьет шестидюймовка, да так хлестко, что казаки разбежались во все стороны. Неприятельская батарея замолкла, колонны рассеялись, и мы воспрянули духом.

Со станции Зачатьевка, что от Розовки в северо-восточном направлении, медленно двигался наш бронепоезд Лонцова[336], и мы, перейдя в наступление, заняли станцию.

Позже мы узнали, что на нашем участке появился конный корпус генерала Шкуро, численностью в 4 000 сабель, который прорвал фронт. Маневр Деникина был ясен, как день. Его фланги: первый — манычский и левый — мариупольский, слишком близко находились от Ростова, угрожая отрезать группу его войск в Донбассе. Чтобы выровняться, в средних числах марта, он бросил на Маныч конницу Мамонтова, а к началу апреля — Шкуро на Куриленко под Таганрог. В данный момент деникинцы, для того чтобы помешать нашему наступлению на Таганрог, сковать резервы, обеспечить работу железной дороги Таганрог–Донбасс, значительными силами конницы Шкуро прорвали фронт на участке Юзово–Авдеевка, который 7-го апреля закрепили за собой.

Оставив пехотные завесы, Шкуро продвинулся к югу и 9-го занял Благодатное и В. Анадоль, которые также закрепляет. 14 апреля он занял ст. Волноваху, а 15-го проскользнул южнее и через Чердакли подошел к Розовке, отрезая наши полки на Хлебодаровке и Зачатьевке. Его наступление было связано с общefронтным, отчего красное командование не могло удержать занятые позиции и 15-го апреля сдали ст. Пантелеймоновку, Хацапетовку, Дебальцево, Чернухино, с. Первозвановку, станицу Каменскую[337], а махновцы, под угрозой быть окруженными и прижатыми к морю, откуда всегда можно было ждать обстрела и десанта, под нажимом противника с фронта, сдали Мариуполь.

Таким образом, наш правый фланг отступил по берегу моря на 75 вёрст, а левый — волновахский — на 50. 13-я, 8-я и 9-я армии отступили на 25, а кое-где на 70 вёрст.

Передо мной встала оперативная задача — разбить группу Шкуро, отступившую в немецкие колонии, что в 10 верстах юго-восточнее Розовки. Оставив ст. Хлебодаровку под защитой батальона 9-го греческого полка, остальные батальоны с бронепоездом я оттянул на Розовку. перебросив в помощь Покровскому полку 2-й греческий и дивизион донцов из Хлебодаровки, в ночь на 16-е апреля мы обрушились на Шкуро со стороны Малого Янисоля и хорошенько его потрепали.

Наши трофеи насчитывали: 2 горных орудия, 300 снарядов, 400 лошадей с седлами, до 400 пленных и обоз. Пленные преимущественно были кубанские казаки и некоторые даже знали меня по Кавказу (1917 и 1918 гг.). Они просили принять их, и тут же донской дивизион[338] под командою старика Морозова развернулся в кавалерийский полк. Шкуро, получив чувствительный удар, отступил на Дон, а мы 16-го заняли В. Анадоль, что в 10 верстах севернее Волновахи[339], а под утро 17-го апреля вышли на линию Волноваха, Чердакли, отрезая в Мангуше пехоту генерала Виноградова.

За время боев у фронтовой полосы появились отряды местного, партизанского формирования, которые наступали до момента занятия своих селений, откуда дальше не уходили. Таким образом, на участке оказались вновь реорганизованные и пополненные полки: Покровский, 9-й греческий, 10-й стрелковый донской — под командованием казака Бондаренко, 11-й Игнатьевский — Давыдова, 12-й кавалерийский Донской — Морозова, общей численностью 12 000 штыков и 600 сабель при одной горной полубатарее, одной полевой (всего 4 орудия) и двух бронепоездах.

Южнее от моего участка, то есть в Мариупольском направлении, занимали позицию наши полки: 7-й, 8-й и Новоспасовский, общей численностью 10 000 штыков, 4 орудия, 50 пулеметов под командованием вновь восстановленного Куриленко.

Где тогда был полевой штаб Озерова, точно не знаю, но говорили, что в обозе в селе Новоспасовке.

17 апреля главком Вацетис требовал от командукра Антонова-Овсеенко: «Срочно направьте на поддержку Махно для действия в указанном ему направлении одну пехотную дивизию и один полк конницы, кроме бригады, назначенной 16 апреля. Об исполнении донести»[340].

Но эти приказы и в малой мере не были исполнены. Несколько полков 2-й бригады Заднепровской дивизии в эти дни вместо того, чтобы выполняя приказ отправиться на помощь 3-й бригаде, двинулись в керченском направлении.

В. И. Ленин, обеспокоенный военными действиями украинских армий и общеполитическим положением на Украине, 18 апреля телеграфировал Х. Раковскому:

«Насчет эсеров советую никак не давать больше трех и хорошенечко окружить этих трех надзором большевиков, а если не согласятся — им же хуже, мы будем в выигрыше.

Насчет военных задач еще раз напоминаю важнейшие две задачи: прорыв через Буковину и взятие Ростова. Надо все силы посвятить этим двум задачам — подтвердите Подвойскому и Антонову. Насчет планов Дыбенки предостерегаю от авантюры — боюсь, что кончится крахом и он будет отрезан. Не разумнее ли его силами заменить Махно и ударить на Таганрог и Ростов. Советую трижды обдумать, решайте это, конечно, сами»[341].

Командарм 2 Скачко пророчески считал, на данном этапе, самым важным участком борьбы — Донбасс, и, надеясь на личный контакт, хотел склонить к этому пониманию и Антонова-Овсеенко. Он писал Командукру:

«18 апреля 1919 г. Товарищ Антонов!

Разрешите мне обратиться к вам не как к командующему фронтом, а как к коммунисту и революционеру и высказать по-товарищески некоторые соображения, которые, как командующему фронтом, я не могу высказать, не нарушая подчиненности.

По моему мнению, сейчас совершается огромная ошибка, могущая погубить все дело революции в России. Ошибка эта состоит в том, что мы, имея возможность сейчас подавить

Дон и занять боевую линию Ростов-Великокняжеская, не используя этой возможности и увлеклись операциями на Западном фронте, увлеклись возможностью работы в интернациональном масштабе, в непосредственном контакте с революционной Венгрией, оставляем восток и позволяем противнику, временно пошатнувшемуся, укрепиться и вновь восстановить сплошной Восточный фронт.

Ошибка эта началась не со вчерашнего дня. Еще в то время, когда фронт Донецкого бассейна находился в нашем ведении и когда там силы противника были очень незначительны, я просил Вас дать мне фронтовой резерв с тем, чтобы, пользуясь силой его, ликвидировать Донбасс.

...Каюсь, что даже я, отвлеченный другими задачами на юго-западе (взятием Одессы), на время выпустил из поля зрения Донбасс, главным образом потому, что ничего не мог сделать там, не имея средств и сил.

Но известия с Восточного русского фронта вновь заставили очень быстро вспомнить нашу болячку...

...Ясно, что Южфронт, благодаря своей внутренней слабости, сделать этого не может, и потому ликвидировать Дон и выйти к Ростову должны мы. Для того нам нужно все свое внимание обратить на восток и двинуться по трем направлениям: 1) Крым-Керчь-Кубань, 2) Мариуполь-Таганрог-Ростов, 3) Доля-Кутейниково-Новочеркасск.

Удар по этим направлениям должен быть молниеносным и сокрушительным, а для этого удара, Вы отвечаете: "Я дам Вам бригаду Покуса"... Это звучит иронически... У нас ведь есть три дивизии, и мы можем их дать, сняв две с Одесского и Киевского направления. Запад ничем не грозит нам сейчас. Он нам не страшен. Запад разлагается. Ни Румыния, Ни Галиция не смогут вести на нас поход...

Об этом я кричу и воплю во всех своих телеграммах, а Вы мне отвечаете советами не волноваться и обещаниями прислать "два полка". Вы никак не хотите понять, что соединение Колчака с Деникиным будет гибелью русской коммунистической революции, и Вы не хотите обратить внимание на то, что если русская революция будет побеждена, то виновата будет в этом наше увлечение западным походом и отвлечение всех действенных сил от Дона на Галицию и Румынию, отвлечение сил от действительной опасности к славе международной арены.

Поймите же это, наконец, обратите внимание на грозно нарастающую восточную опасность и дайте для ликвидации ее не два полка (что прямо смешно), а две дивизии с Западного фронта. Если вы в недельный срок перебросите мне эти две дивизии, Дон будет ликвидирован, Южный фронт выйдет на линию Ростов-Великокняжеская и, страшно сгустившись там, станет неодолимой преградой между Колчаком и Деникиным. Если Вы этого не сделаете, Колчак соединится с Деникиным и война в России (годовая война) будет проиграна коммунизмом.

Две дивизии на Восточный фронт, на фронт Дон-Мариуполь!

Две дивизии или гибель революции!..

Гибель грозит не только от чисто военных неудач.

Есть еще одно обстоятельство, которое, очевидно, не учитывает правительство — это положение угольной промышленности. Каждый лишний день — толчея в Донбассе, толчея, продолжающаяся три месяца, непоправимо разрушает угольную промышленность. Дело обстояло лучше, когда мы не вторгались в Донбасс. Рабочие работали там под игмом белогвардейцев, но работали и поддерживали шахты. Теперь мы наскочили на Юзовский район, не удержались и отскочили, и вместе с нами, боясь репрессий врага, ушли из Юзовского района 40 тыс. рабочих. Шахты брошены, а брошенная шахта в неделю разрушается так, что ее нельзя потом восстановить месяцами. Еще неделя промедления, еще неделя бесполезной, безрезультатной толчеи у Юзовского района — и он будет погублен безвозвратно и даже при будущих успехах уже не сможет дать нам угля. А ведь это будет самый тяжкий крах нашей армии и нашей революции...

Забыть запад! Заключить какой угодно мир с Галицией и Польшей и всеми силами обрушиться на восток и Дон. Вот единственный путь к спасению революции. Умоляю Вас, становитесь же на него, пока еще не поздно.

С коммунистическим приветом А. Скачко. 18. IV. 1919 г. Екатеринослав»[342].

Командукр отвечал командарм 2:

«Письмо Ваше 18.IV полно недоразумений. Донбасс с середины декабря, когда Кожевникова отняли у меня, — не наш. И напрасны были мои и Глаголева уговоры дать нам хотя бы Гришинское (к Иловойской) направление. Полтора месяца тому назад Костяев заявил т. Раковскому и Кожевников мне, что через две недели Донбасс и Новочеркасск будут ликвидированы — дела шли хорошо и в резерве была вся 8-я армия. Наши силы выросли лишь при взятии Киева, а до того были вчетверо слабее. Никакой стратегической ошибки с нашей стороны не было и нет. По моему настоянию, задолго до Ваших телеграмм, решено вести переговоры с Польшей и Галицией о мире. Далее, все в тех же целях сэкономить силы для борьбы на востоке я настаивал перед Укр(аинским) правительством и общероссийским на введении в Укр(аинское) правительство украинских социалистов-революционеров и независимых социал-демократов в ущерб коммунизму, но в успокоение некоторых элементов крестьянства. Та же мысль в основе признания самостоятельности Советской Республики в Крыму.

Ваши соображения о западе слабоваты, там наш толчок развязывает новые силы, которые сами доделают свое дело. Сейчас румыны наступают на Венгрию, Болгария готова броситься на Румынию, в Турции громадное брожение. Весь Балканский полуостров кипит. И вся задача в организации удара, способного сокрушить последние барьеры для развития революции. Сил для этого много на местах, и их не на что другое не отвлечешь. Раз там тронется — руки у нас целиком развязаны.

Ошибка есть у нас и большая — в организационной работе.

У Махно ничего не сделано, а его сил вполне было бы достаточно, чтобы противостоять натиску “корпуса”Шкуро. Только эти силы надо было сорганизовать»[343].

И на второй день, т. е. 19 апреля, командарм 2 не выдержал, заявил командукру:

«Ввиду неполучения до сих пор подкреплений, о которых я умолял целую неделю с 12 апреля, и ввиду невозможности держаться с оставшимися силами против противника, в пять раз превышающего численностью, для спасения остатков 3-й бригады Заднепровской дивизии и для предотвращения окружения 2-й бригады, мною завтра, 20-го апреля, отдается приказ об оставлении Крымского полуострова и об отступлении 2-й бригады на линии Перекоп – Геническ и об отступлении 3-й бригады на линии Бердянск – Новоспасское – Цареконстантиновка – Керменчик – Максимилиановна»[344].

Командукр и командарм 2 путали карты коммунистам от троцкизма. Раковский и Пятаков выглядели очень некрасиво перед фактами являющимися результатом ими проводимой политики на Украине, которые безпристрастно сообщал центру командукр Антонов-Овсеенко. Банкротов надо было спасать, и троцкисты ввели в йствие тяжелую артиллерию, то есть своего коллегу члена Реввоенсовета Южного фронта Г. Я. Сокольникова[345]. Не брезгуя в достижении цели интригами и дезинформацией, он 20 апреля отправил в адрес В. И. Ленина и другим работникам Реввоенсовета Республики и СТО телеграмму:

«Бригада Махно не только сама небоеспособна, но разлагает также соседние части 9-й дивизии. Вам вероятно известно, что Махно ведет решительную открытую борьбу против коммунистов среди крестьян и красноармейцев, начиная созывом крестьянских съездов, кончая срыванием красноармейских значков. Юзовские рабочие стонут, негодуют от грабежа махновских банд. В связи со сдачей Мариуполя, поражением-бегством бригады Махно, не сочтете ли подходящим моментом убрать Махно, авторитет которого пошатнулся, и тем начать оздоровление этого участка Южфронта, без укрепления которого, с одной стороны, положение на Донцеком бассейне не может считаться прочным, с другой стороны, продвижение к Ростову существенно тормозится»[346].

Как же так?!

Во-первых, органы компартии, комиссары легально работали в наших войсках, проводили идеологическую работу, выступали на собраниях так, как они понимали свои убеждения и за это они никогда не преследовались.

Во-вторых, звезду, красноармейские значки, командирские знаки, ордена носили и сами махновцы, а если у чрезмерно ретивого дезертира из 3-й бригады 9-й дивизии, покинувшей фронт, и сорвали значки как у недостойного носить их, то за массовый побег с фронта советские ЧК и заградотряды расстреливали без суда.

В-третьих, юзовские рабочие не могли стонать от грабежей, так как наши войска занимали фронт Мариуполь-Волноваха, а дальше на север, в том числе и Юзово (от Волновахи до Юзово 60 верст), фронт занимала 9-я дивизия. Наоборот, юзовские рабочие и их семьи, как беженцы, были устроены на проживание и накормлены махновцами.

Что касается сдачи Мариуполя, поражения и бегства нашей бригады, то, я думаю, вполне достаточно приведенных здесь документов, которые объясняют причины и определяют виновных в отступлении нашей 3-й бригады Заднепровской дивизии.

В результате предательства мы оставили большую территорию, завоеванную огромными потерями, но в результате маневренности нас не разбили, наоборот — мы победили, несмотря на отсутствие пополнения, боеприпасов, а возможно и ожидания кое-кем нашего разгрома.

Кроме того, несмотря на игнорирование командования в вопросах подкреплений и боеприпасов, мы перешли в наступление и имели успех выбив противника из Широкой, Стародубовки, Белоцерковки, Камышеватской, Мангуша, Темрюка, Волновахи, Карани, Калчика[347].

Убрать Махно?

Каким путем? Что подразумевалось под этим словом? Вместе с Махно нужно было убрать весь штаб бригады, избранных командиров, Реввоенсовет, Исполком, Советы на местах (махновские). Были ли для этого силы и желающие претворить предложение в жизнь? А какая была бы реакция повстанцев по всей Украине?

С какой целью хотел Сокольников усугубить и без того тяжелое положение на Украине?

С целью наведения порядка? Нет, только не это. Еще предстоит объяснить сделанное троцкистами на Украине в 1919 г. Просто диву даешься до какой подлости могут пойти бесчестные люди, когда власть им принадлежит безраздельно, а они не подконтрольны.

Это тот самый Сокольников, о котором позднее член реввоенсовета 14 армии Серго Орджоникидзе напишет в письме к В. И. Ленину: «... И, наконец, Владимир Ильич, откуда это взяли, что Сокольников годится в командармы? Неужели до чего-нибудь более умного наши военные руководители не в состоянии додуматься? Обидно и за армию, и за страну. Неужели, чтобы не обидеть самолюбие Сокольникова, ему надо дать поиграться с целой армией?..»[348].

Но это было потом, а в апреле 1919 г. он был всесилен, с его мнением считались, и В. И. Ленин сделал надпись на телеграмме Сокольникова: «Склянскому: надо поддержать!» Склянский был человек Троцкого, поддержал, и пошла очередная волна охаивания в прессе 3-й бригады Заднепровской дивизии.

Кроме прочего, задача Украинской армии усложнялась необходимостью оказания военной помощи Советской Венгрии, на которую повели наступление румыны и чехи.

Ленин телеграфировал: «21-22 апреля 1919 года шифром Серпухов Главкому Вацетису и члену РВСР Аралову.

Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. Эту задачу надо решить быстрее и прочнее, а за пределами этой задачи никакое занятие

Галиции и Буковины не нужно, ибо украинская армия безусловно и ни в каком случае не должна отвлекаться от своих двух главных задач, именно: первая важнейшая и неотложнейшая — помочь Донбассу. Этой помощи надо добиться быстро и в большом размере. Вторая задача — установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией. Сообщите ваши директивы Антонову и меры проверки их выполнения.

Предсовобороны Ленин.»[349]

Успех борьбы в Донбассе усложнялся еще одним непредвиденным обстоятельством — восстанием казаков, начавшемся в марте в районе Вешенской-Казанской, в апреле оно охватило многие верхнедонские станицы от Усть-Медведицкой (Серафимович) до Богучара и занимало площадь более десяти тысяч квадратных километров. В конце апреля силы восставших насчитывали около 30 тысяч человек. Они дезорганизовали тыл Южного фронта, особенно 9-й армии[350].

Казачьи станицы Дона стонали от надругательств и насилий предусмотренных январской директивой Я. Свердлова. Теперь установлено, что восстание в казачьих областях вызывалось искусственно, чтобы под видом подавления истребить казачество.

Будущий комдив 45-й дивизии И. Э. Якир, став членом РВС 8-й армии, тоже вносил в это дело свою лепту приказывая:

«Ни от одного из командиров дивизий не было получено сведений о количестве расстрелянных белогвардейцев, полное уничтожение которых является единственной гарантией прочности наших завоеваний. В тылу наших войск и впредь будут разгораться восстания, если не будут приняты меры, в корне пресекающие даже мысль возникновения такого. Эти меры: полное уничтожение всех поднявших восстание, расстрел на месте всех имеющих оружие и даже процентное уничтожение мужского населения. Никаких переговоров с восставшими быть не должно»[351].

Ну и ну! Вот так равенство и братство — «Процентное уничтожение мужского населения».

Для подавления восстания из состава советских 8-й и 9-й армий было брошено на восставших около 16,5 тысячи штыков и сабель[352], так необходимых фронту в Донбассе.

Об ответственности момента говорит телеграмма Ленина Сокольникову от 20 апреля 1919 г. «Я крайне обеспокоен замедлением операции против Донецкого бассейна и Ростова. Ускорение необходимо, но, конечно, лишь с серьезными силами. Выработайте практические директивы для этой цели, и мы проведем через Цека для украинцев, а равно для наших. Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось. Отвечайте подробнее. Ленин»[353]

24 апреля В. И. Ленин телеграфировал Г. Я. Сокольникову: «Во что бы то ни стало надо быстро ликвидировать, и до конца восстание. От Цека послан Белобородов. Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгости, но если Вы абсолютно уверены, что нет силы для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно. Нельзя ли обещать амнистию и этой ценой разоружить полностью? Отвечайте тотчас. Посылаем еще

двое командных курсов. Ленин.»[354]

В своей записке от 25 апреля к Э. М. Склянскому В. И. Ленин писал: «Надо еще сговориться с Дзержинским о том, чтобы он дал самых энергичных людей. И не послать ли еще военные силы?»

Еще надо, если там плохо, пойти на хитрость. Ленин.»[355]

И тогда же В. И. Ленин телеграфировал Раковскому, Антонову, Подвойскому, Каменеву: «Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков и взять Ростов, хотя бы ценой временного ослабления на западе Украины, ибо иначе грозит гибель»[356].

Мы продолжали воевать, организуя боевые операции по своей инициативе, по своему усмотрению, в большой мере руководствуясь в них добычей боеприпасов и чувствуя себя абсолютно бесхозными.

21 апреля 1919 г. командюж Гиттис и член реввоенсовета, знакомый нам Сокольников, в своем докладе Главкому писали:

«...9. На важном Таганрогском направлении руководить партизанскими отрядами Укрфронта в районе Мариуполь-Волноваха-Кураховка, подчиняемыми мне только в оперативном отношении, для Южфронта почти невозможно. Это относится как к бригаде Махно, так и к предназначенным к переброске по вашему приказанию другим частям Укрфронта. В дополнение всего изложенного в п. 6. относительно бригады Махно я считаю долгом доложить, что никоим образом не могу брать на себя ответственность за действия частей Укрфронта при наличии всех особенностей, которыми они отличаются, при органической связи их с Укрфронтом и полной их независимости от Южфронта, которая определенно подчеркивается. Я допускаю возможность даже такого явления, когда в ближайшем будущем Красная Армия, ограждая интересы Советской республики, вынуждена будет, во избежание опасных прецедентов, разоружать такие войска, как руководимые Махно, и не особенно уверен, что намеченные к переброске части будут боеспособнее, а политически надежнее. Основанием для таких предположений служат такие факты, как история с Екатеринославским полком, получившим приказание надчива 1 Заднепровской Дыбенко отправиться на поддержку Махно, но уехавшим в Мелитополь, причем, как видно из сообщения штаба группы харьковского направления, полк митинговал: "один эшелон удалось уговорить ехать по назначению, есть надежда уговорить и остальные"... Поэтому наиболее целесообразным я полагал бы провести разграничительную линию между Укр и Южфронтами, примерно, Гришине-Таганрог включительно для Укрфронта, операцию по овладению районом Мариуполь-Юзовка-Таганрог возложить на Укрфронт (2 Укрармия), которому, кроме перебрасываемых с Укрфронта новых частей, может быть передана и бригада Текнеджанца. Это будет тем более естественно, что 2 Укрармия будет в сущности, своим наступлением обеспечивать и прикрывать тыл Укрфронта и харьковское направление. Действия в этом направлении должны носить самый решительный, активный характер, дабы в крайнем случае, хотя бы прочно привязать в этом районе части противника и не дать ему совершать переброски. Действия на таганрогском направлении, сосредоточив срочно

туда поддержки, желательно начать в ближайшие дни, когда, можно полагать, вода в реках, благодаря бурному половодью, спадет, т. е. армии Южфронта получат большую свободу действий. Если вы не признаете возможным таганрогскую операцию возложить на Укрфронт, то единственным решением, при котором можно рассчитывать на более правильное взаимодействие частей и планомерность, и согласованность операции, я считаю оперативное подчинение мне не отдельных отрываемых с Укрфронта бригад, а командарма 2 Украинской, ибо, как докладывал выше, эта армия должна быть ответственной за харьковское направление и через шторм 2 Украинской я мог бы определенно и твердо руководить действиями укрчастей...»[357].

Обеспокоенный восстанием и стойкостью восставших на Дону, восстаниями против действий совправительства и его политики на Украине, учитывая их потенциальную разрушительную силу, командукр в особом докладе «О борьбе с тыловыми восстаниями» повторял и развивал основные положения своего заявления ЦК партии (от 18 апреля): «1. Власть на местах совершенно не налажена и до известной степени навязана большинству населения (в Александрии, например, исполком из москвичей навязан бывшему уездному съезду). 2. Продовольственники не из местных людей, действуя без понимания обстановки, крайне настроили деревню против центральной советской власти. 3. Чрезвычайки, становятся государством в государстве, пользуются почти всеобщим недовольством и вызывают почти повсеместно осложнения для советской власти. 4. Местная партийная работа в полном загоне. 5. Местное население почти ничего не получило с приходом советской власти, кроме роста дороговизны и недостатка продуктов. Мануфактуры деревни не видят по-прежнему, железнодорожники нищенствуют. 6. Бюрократическая машина едва ли не усложнилась и особенно в военном ведомстве; власть чрезвычайно мало приблизилась к трудящимся массам. 7. Снабжение нашей армии бесконечно затруднилось. 8. Полное пренебрежение к предрассудкам местного населения в области отношения к еврейству. 9. Бестактное отношение центральных властей к национальным чувствам Украины (например, отправка продовольственных грузов в Москву прямым адресом, притом таких редкостных, как чая, кофе). Приказы из Москвы украинским железнодорожникам; приказ ЗРК Арнольдова из Москвы бригаде Григорьева выгрузится из эшелонов и т. д. без конца (и хищническое хапающее отношение) “организованное мешочничество” к продовольственным запасам Украины. 10. Земельная программа правительства до сих пор остается недоговоренной, и отдельные его заявления способны только беспокоить крестьянина, например, выпячивания на первый план коммун. 11. Представители среднего крестьянства далеки от центральной власти и партии.

Предлагаю: 1. Немедленно предложить ЦИК новый съезд Советов Украины. 2. Еще до этого съезда в миллионах экземпляров послать к крестьянству разъяснения по земельному вопросу, для всей советской печати назначить аграрную неделю (телеграфом статьи, заметки ответственных работников). 3. Центральное ВУЧК упразднить; подчинение местных чека губернским и уездным исполкомам, на фронте — особым отделам. 4. Продовольственные отряды упразднить, обязать местные военные власти оказывать содействие продовольственникам при охране грузов. 5. Не допускать никаких агентов из Москвы работать на местах от имени Москвы, но только от имени соответствующих органов Украины и под строгим их контролем; прекратить мешочничество официальных органов. 6. Борьба с бюрократизмом (сокращение штатов и т. д.), центр внимания высшей власти на

месте, мобилизация врачей и рассылка их отрядами для борьбы с эпидемией; мануфактура в ход; литературу, пропагандистов — в деревни; школы инспектировать; лучшие помещения — под школы, клубы и т. д. и т. д. 7. Понизить все советские оклады, высшие — 15 000 руб. в месяц (понизить на 25%). 8. Армии — обувь, белье, обмундирование, переобув в лапти, башмаки тыловых военных и штатских. 9. Мобилизовать всех стоящих на платформе советской власти, разогнав (кроме самых необходимых для центра) на инструкторскую и агитационную работу на местах, передвижные курсы советской работы. 10. Подчинение воензагов на фронте одедам снабжения армии. 11. Привлечение к центральной власти представителей среднего и мелкого крестьянства. Антонов-Овсеенко»[358].

Командукр Антонов-Овсеенко был не одинок в своих суждениях и предположениях, да и здравый смысл диктовал условия поведения. Но совсем иначе мыслили партийные работники на Украине.

Так, еще 14 апреля Ю. Пятаков — секретарь ЦК КП(б)У — писал:

«Реввоенсовет — тт. Антонову, Бубнову и Щаденко:

Уважаемые товарищи!

Неоднократно Центральный комитет получает сведения о том, что атаман Григорьев и командный состав его частей являются элементом политически в высокой степени ненадежным. Приложенный к настоящему отношению доклад Александрийского партийного комитета с большой полнотой рисует характер политической, с позволения сказать, деятельности атамана Григорьева.

Центральный комитет просит отнестись со всем вниманием к докладу Александрийского комитета и сообщить ему, что Реввоенсовет думает по этому поводу предпринять.

Мнение Центрального комитета заключается в том, что Григорьева нужно, как можно скорее, ликвидировать и указанных в этом докладе черносотенных офицеров убрать немедленно»[359].

На это письмо ЦК КП(б)У Реввоенсоветом фронта дан следующий ответ:

«Будет предпринято все возможное после детального ознакомления лично членом РВС — Щаденко, Антонова. Ликвидация во всяком случае, — дело сложное, и ее нельзя провести сразу безболезненно. Григорьева побудили предать явных контрреволюционеров суду. Бубнов»[360].

Членами РВС — Щаденко и Антоновым с одобрения Предсовнаркома и секретаря ЦК было решено усыпить бдительность Григорьева, овладевая изнутри руководством его частей, части эти использовать для отдельных боевых операций и подготовить устранение лично Григорьева секретным образом (поручение такого рода дано т. Чалому через Особый отдел).

15 апреля 1919 г. в 1-ю бригаду Григорьева была направлена чрезвычайная комиссия для проверки обвинений, выдвинутых против него.

Побуждаемый стремлением дать поддержку Донбассу и одновременно изыскать силы для похода в помощь Венгрии, командукр совместно с Предсовнаркомом Раковским и Щаденко приехали в Одессу. Не встретившись с Григорьевым в Одессе, командукр телеграфировал:

«Александрия, начдиву Григорьеву. От имени Красной украинской армии выражаю сожаление, что ваше отсутствие в Одессе воспрепятствовало Председателю Рабоче-крестьянского правительства Украины и мне выразить вам лично признательность за боевую доблесть, поздравить с боевым производством в начальники дивизии. Выезжаю в Александрию, чтобы видетсья с вами и для передачи вам ответственного поручения. Красная Армия Украины гордится вами и руководимыми вами боевыми частями»[361].

Командукр решил совершить инспекционную поездку к Григорьеву с целью привлечения его в помощь Махно. Поступали также сообщения, что Григорьев начал восстание против Советской власти, необходимо было разобраться на месте.

«И тут же по линии особого отдела т. Антон Чалый с группой товарищей получили подтверждение задания — наблюдать вплотную за действиями Григорьева и ликвидировать “атамана” в случае подготовки им восстания»[362].

Командукр, прибывший с проверкой в 1-ю бригаду Заднепровской дивизии Григорьева так описывает свое знакомство с 1-ым Верблюжским полком:

«23 апреля вместе; с т. Шумским, приехавшим в Александрию, особо, по линии ЦК и правительства мы выехали в с. Верблюжку на праздник 1-го Верблюжского полка.

За пару верст до Верблюжки наш автомобиль (в нем и Григорьев) был встречен громадной толпой.

Крепкое большое село Верблюжка, сумевшее выдвинуть до 4 000 бойцов, все от мала до велика, вышло нам навстречу. Видно было восторженное отношение к “атаману”.

Бойцы строем. Довольно обтрепанный вид; не обувь — подобие ее. Но крепыши, как на подбор...

Обход строя и парад под звуки полкового оркестра.

Митинг под открытым небом. Доклад, по-украински, приземистого усача-командира, о подвигах полка. Моя приветственная речь с особым ударением на проявленной полком революционной дисциплине и на победах Красной Армии на всех фронтах.

Хороший прием, долгое “ура”. Григорьев провозглашает здравицу лично командукру. Дружно подхватывают. Командукр отвечает здравицей Советской власти. Восторженный отклик.

Начинает речь т. Шумский...

Тов. Шумский говорил по-украински и вначале имел явный успех. Но как только перешел на земельную политику Советской власти и произнес слово “коммуна”, как поднялся гул с задних рядов, захвативший всю толпу, выросший в яростный рев.

Искаженные злобою лица, сжатые кулаки...

Если бы не Григорьев, заслонивший собою Шумского...

Не сразу угомонились и после выкриков Григорьева и после речи командукра, осторожно пояснившего толпе, что Советская власть не проводит насильственной политики коллективизации, она только призывает бедноту и середняков объединиться по-товарищески, чтоб сообща преодолевать свою нужду, улучшать свое хозяйство.

Неприятное происшествие не сгладилось наступившими играми на приз...

Григорьев, командукр, Шумский и несколько виднейших верблюжцев отошли в избу председателя Верблюжского сельсовета. Здесь верблюжцы дали волю накопленному недовольству.

Не помню точно их рассказов. Они были конкретны, порой подтверждены документами. Шумский записал многое, многое добавил из личных расследований. Парой резких заявлений выдал свое возмущение и Григорьев.

Недовольство вызвал главным образом принудительным, через пришлые отряды, сбором продразверстки. Местная власть оставалась в руках в лучшем случае неопределенных элементов, частенько открыто антисоветских. Агитационных методов вовсе не применялось.

Под свежим впечатлением мы телеграфировали в тот же день (из Александрии):

“Предсовнарком. Был сегодня в селе Верблюжке. Население провоцировано действиями продотрядов. Необходимо отозвание московских продотрядов. Сначала организуйте местную власть, потом с ее помощью выкачивайте хлеб. Части Григорьева и он возбуждены до крайности. Он всегда будет с крестьянством, теперь связан с незалежными, исключен из украинских эсеров. Шумский сообщил сейчас это мне. Григорьев внешне подчиняется, но, видимо, будет срывать отправку войск в Донбасс. Категорически заявляю вам как главе правительства: политика, проводимая на местах, создает обиду, возбуждение против центрвласти вовсе не одних кулацких, а именно всех слоев населения. Тов. Шумский привезет вам материал (№ 886/л 23/IV)”.

Вечером 23-го перед отъездом в Екатеринослав, командукр вновь имел разговор с глазу на глаз с Григорьевым.

Перед этим на совещании с т. Шумским было решено, что, ввиду настроения Григорьева и его частей, невозможно направлять их в район Махно, увеличивая силы накопленного против Советской власти недовольства; следует двинуть Григорьева в Бессарабию против румын, тем более, что Григорьев проговорился о необходимости “миром поладить с донказачеством”.

Разговор с Григорьевым был полон драматизма.

Командукр вновь выслушал страстные нападки Григорьева на земельную и продовольственную практику Советской власти. Вновь указала ему, что эти факты не означают политической линии, — это проявление местного самоуправления. Центральная власть будет нами уведовлена и примет надлежащие меры...»[363].

О состоянии политической работы в нашей 3-й бригаде писал в своем докладе организатор-агитатор бронепоезда им. Я. М. Свердлова М. Шевченко:

«...Среди махновских отрядов отсутствует всякая политическая работа. Политические работники отказываются идти работать в отряды Махно, и этим отказом окончательно развивается бандитизм и погромная еврейская агитация — бей евреев и т. д. Предлагаю Реввоенсовету 2-й армии обратить серьезное внимание на махновские отряды, посылать как можно лучших работников, слабые ничего не сумеют сделать, а поэтому надо энергичных работников мобилизовать для политической работы в махновские отряды. Кроме того, необходимо ввести самый сторожайший контроль над полковыми комиссарами отрядов, часто замечается пьянство комиссаров и разврат, что дает этим повод (для) разложения некоторых несознательных масс солдат. При фронтовом политотделе нет энергичных работников. Тов. Каленин, заведующий политотделом, окончательно измучился в смысле перегруженности работой за неимением хороших политических работников. Каленин — хороший работник, но нет ему подсобных сил для политической работы, поэтому я как политический работник считаю своим долгом сообщить Вам вышеизложенное докладом. В чем подписываюсь»[364].

19-го апреля, вечером на Волноваху прибыл Махно со своей группой контрразведчиков. Осведомившись о положении фронта, он настаивал немедленно наступать, против чего никто не возражал.

— Посоветуй, Виктор, как лучше поступить. В Бердянске я заключил договор с наркомпродовцами Украины. Сидим мы у Каретникова, немного выпиваем. Вдруг открывается дверь и какие-то три еврея просят зайти. Я думал наши, оказалось нет. Это представители, посланные из Мелитополя от наркомпродовской комиссии какой-то еврейки Белоковской. Они мне предлагают заключить договор: на зерно дают мануфактуру. Но, на кой черт она мне нужна! Если бы на оружие, патроны, орудия, так еще, а то на мануфактуру. Меня наши набатовцы и подбивают. «Нет, говорят, ты не прав. Заключай договор и только. Подумай, они будут зерно закупать у крестьян за деньги, менять на мануфактуру. А как только погрузят в вагоны, ты можешь задерживать их для себя, ведь твоя бригада от них продовольствия не получает, значит мы берем его, и крестьяне спасибо скажут».

— И додумались, дьяволы, — продолжал Махно. — Я и согласился и подписал... как думаешь?

— Неужели Народный Комиссариат продовольствия настолько слаб, чтобы заключал с отдельной бригадой договор на право закупки в районе ее расположения продовольствия?

— спросил я.

— Да, да, — ответил Махно. — Так оно и есть, он слабый!

Телеграфист зовет Махно к аппарату. Вызывает Гуляйполе.

Харьков передал нам следующую телеграмму: «Мелитополь т. Дыбенко. Гуляй-Поле т. Махно. Ознакомившись с положением донецких рабочих и вашим соглашением с Проддонбассом, прошу, в качестве Чрезвычайного Уполномоченного Совета Оборона, строжайшего соблюдения заключенного договора и самого усиленного внимания к доставке продовольствия донецким рабочим. От срочного и правильного снабжения донецких рабочих зависит судьба революции.

Чрезв. Уполн. Сов. Оборона Каменев, г. Харьков»[365].

— Ха-ха-ха-! Надо же! От снабжения... донецких рабочих... зависит судьба революции! — смеялся Махно. — Во, какая сила? Небось, эти шахтеры не берут винтовки в руки, а лезут в шахты, копят уголь Деникину, а ты их освобождай и поддерживай! — говорил он.

20 апреля наши части перешли в наступление и к 22-му продвинулись к востоку на линии р. Кальмиус, касаясь своим левым флангом с. Бешево, а правым Кирпичево, что 15 верст восточнее Мариуполя. Таким образом, они выдвинулись на 50 верст в глубину, угрожая белой группе на линии: Юзово, Доля, Еленовка, откуда белые должны были бежать. Но они лишь 23-го с боем отошли на линию: Караванная, Авдотьино и Новороссийскую.

Оперативная сводка 2-й Украинской армии от 24 апреля 1919 г. сообщала: «На Мариупольском (махновском — А. Б.) направлении нашими частями после ожесточенного боя заняты ст. Волноваха, Карань, Кальчик и Мангуш...»[366].

Сгруппировав свои силы и пополнившись новым подкреплением, белые снова перешли в наступление на участке Мариуполь-Юзово и к утру 25-го апреля заняли Мариуполь, Волноваху, Юзово и Рутченково. Но нашей контратакой к вечеру была занята ст. Волноваха.

Оперативная сводка 2-й Украинской армии сообщала 26 апреля 1919 г.:

«В Крыму без перемен. На Мариупольском направлении (махновском — А. Б.) частями после 5-часового ожесточенного боя занята ст. Сартаны, причем захвачено до 400 пленных, несколько пулеметов и обоз.

Французские крейсера обстреливают Сартаны из дальнобойных орудий. К востоку от линии Еленовка-Карань нами заняты селения Александрийская, Новотроицкая, Новониколаевская и Игнатовка»[367].

А 27-го вновь отбит и город Мариуполь, в котором целиком был уничтожен 1-й сводный полк белых. На этот раз мы продвигались вперед и, достигнув старых позиций по р. Кальмиус, закрепили за собой.

27-го апреля на ст. Волноваха прибыл Махно с группой анархистов из 36 человек, в числе которых были литераторы А. Черняк и Макеев. Эта группа приехала из Иваново-Вознесенска для совместной работы. Они рассказывали об ужасах, какие над ними творила Чека.

— «Набат»езде в подполье, — говорил Черняк. — Наши товарищи сидят в тюрьмах, расстреливаются чекистами на улице за то, что выступают на митингах и разоблачают большевиков. Так дальше нельзя, надо скорее действовать.

— Правдивость наших слов подтверждают вот эти газеты, — и он бросил на стол пачку газет «Известия»Харьковского Совета.

— Про вас пишут. Очень интересно. Себя не узнаешь. Передовица. «Долой махновщину.». Эту статью надо обсудить во всех воинских подразделениях и где только можно. Пусть все увидят и прочувствуют лицемерие и гнусность «борцов за власть.». Пусть их же статья определит, можно ли доверить судьбу народа этим проходимцам, — запальчиво говорил Черняк.

Мы разобрали газеты.

Здесь же было решено опротестовать статью у Предсовнаркома Раковского. i Махно поручалось дать достойную отповедь в нашей газете «Путь к Свободе».

В адрес командукра и центральной власти была направлена телеграмма следующего содержания: «Помещенная в номере от 25 апреля в Известиях Харьковского Совета статья под названием “Долой махновщину”, отчасти касающаяся боеспособности повстанцев батько Махно, является самым извращенным вымыслом, совершенно не соответствует настоящему положению. Повстанцы, наравне с красноармейцами, дерущиеся против белых банд, в отношении снабжения находятся в несравненно худших условиях. Отступление от линии Мариуполь-Волноваха произошло по причине отступления российских красных войск, имеющих на нашем левом фланге, в связи с чем Вы вынуждены были перебросить часть своих сил для прикрытия отступающих частей, вследствие чего произошло отступление сил и оставление линии занимаемого нами фронта. Кроме этого, белые, чувствуя грозную силу повстанцев, бросили сюда свои лучшие силы под командой известного партизана генерала Шкуро. Сообщая об этом, полевой штаб считает нужным заявить, что в то время, когда повстанцы, беззаветно преданные делу революции, дерутся с белыми бандами, по месяцам не имея отдыха, в их тылу кто-то, по неизвестным для нас причинам, распространяет гнусную клевету по их адресу. Такое отношение к революционерам, отдавшим жизнь за дело народа, само по себе доказывает чью-то грязную провокационную работу»[368].

О войсках Южфронта, то есть 13 армии и ее третьей бригаде 9-й дивизии, удравшей с фронта, не говорилось ни слова.

Наоборот, 9-я дивизия, прибывшая из РСФСР, у командования считалась наиболее надежной и боеспособной. В 13-й армии, в частности, в бригаде Текнеджанца существует выборное начало командиров, и с этим мирятся[369]...

Политическое лицо 13-й армии освещает телеграмма И. И. Ходоровского (член РВС Южфронта) и Сырцова к В. И. Ленину: «В последнее время среди красноармейцев, — говорилось в телеграмме, — все чаще слышатся заявления: “Мы за Советскую власть, но против коммунистов”, “Мы за власть большевиков, но против коммунистов”, “Вот разобьем казаков, а потом примемся за коммунистов”. Такие же рассуждения сплошь и рядом слышатся и в крестьянстве»[370].

Авторы телеграммы лицемерили, объясняя причины такого отношения к коммунистам «ужасающей темнотой и несознательностью» масс. Они не могли не знать, что в 1918 г. большевики отражали волю народа и их решения на II Всеукраинском съезде Советов прошедшем 17-19 марта 1918 года в г. Екатеринославе пользовались доверием населения. Но то, что творилось в 1919 г. на Украине большевиками, к тому времени уже называвшимися коммунистами, совсем не было похоже на реализацию решений большевиков в 1918 г.

Крестьяне поддержали первую стадию пролетарской революции, так как еще не знали, что совершенствование ее коммунистами будет разбито на стадии и этапы, ставящие целью иные задачи, чем в первой стадии. Крестьяне одобрили: заключение мира, уничтожение эксплуататоров, войну против буржуев и интервентов, раздел земли, лозунги, выдвинутые Октябрем, но крестьяне и рабочие были резко против устанавливавшейся централизации и идеалов военного коммунизма, против сохранения и концентрации земли в руках власти, используемых ею для коллективизации труда крестьян, начавшейся в конце 1918 г., против продразверстки, уничтожения политических партий и свобод, против применения насилия.

Крестьянство так понимало: «Советская власть та, которая дала землю крестьянам, бросила лозунг “Грабь награбленное”. Это делали большевики. А та власть, которая проводит продразверстку, не дает помещичью землю крестьянам, а стороит совхозы, коммуну, — это власть “коммуны”, власть не большевиков, а коммунистов...»[371].

«Я буду работать, а другой — лежать, и из одного котла с ним есть! Хай они здохнуть со своей коммуной! — вот подлинные слова крестьян...»[372].

Это разделение большевиков 1918 г. и коммунистов 1919 г. и имелось в виду повсеместно на Украине.

И тем не менее, почему «гнев»Троцкого был направлен именно против нас?

В период крайних трудностей экономического, политического, военного характера, когда надо было сосредоточить все свои усилия на фронте, Троцкий и его актив сосредоточил свой «гнев»против самой боеспособной бригады фронта, разлагая своими действиями не только 3-ю бригаду Махно, а все войска, сформировавшиеся на Украине.

— Сейчас же арестовать всех полковых комиссаров и направить ко мне в штаб, — отдал распоряжение Махно своим контрразведчикам: Лютому, Василевскому, Голику, А. Лепетченко и другим.

Я поспешил возразить, но было поздно, ибо Махно кричал:

— Ты не подчиняешься постановлению Союза и Набата, не моя, ведь, затея?! Пусть и большевики у нас посидят, как сидят в казематах Чека наши. Они у нас будут заложниками и мы, если потребуется, начнем обмен. Можно ли терпеть их дальше, когда они разлагают наши ряды, наушничают Дыбенко, Скачку, Раковскому, наговаривают разных небылиц, — весь партийный аппарат включился в травлю нашего святого дела.

— Ну, если арестовываешь по постановлению союза анархистов и Набата, тогда я не защищаю, — оправдывался я. — Но пойми, у меня в полках комиссары — лучше не надо, свои ребята, от станка, от сохи, а главное — они не мешаются! За что они должны сидеть?

— Ничего, посидят, не слиняют! — ответил Махно.

Он тут же сел за стол и написал приказ: «Секретно, вне очереди — Розовка, по нахождению начштаба Озерову, копия адъютанту Бурбыге. — Всем начбоевых участков, всем командирам войсковых частей третьей бригады первой Заднепровской дивизии.

В официальной газете Харьковского большевистского Совета от 25 апреля сего года за № 97 помещена статья под заглавием “Долой Махновщину” ясно подчеркивается, что наша бригада и все творящие борьбу по освобождению всех трудящихся есть контрреволюционным делом. Предписываю до особого распоряжения всех политических комиссаров арестовать, предварительно объявив всем частям мою телеграмму, все бумаги политотдела конфисковать, просмотрев наложить печати.

Комбриг Батько Махно За начштаба Михайлов-Павленко точка»[373].

Обращаясь ко мне, Махно говорил: «Не мешайся в тыловые дела, смотри внимательно за фронтом, что-то затевается. А мы решили усилить наши контрразведки, и вот этих хлопцев везу к Левке[374], вот обрадуется!»

Махно уехал в Мариуполь.

Рано утром 28 апреля 1919 г. ко мне доставили комиссаров пяти наших полков. Не успели они войти в штабной вагон, как из Александровка прибывает бронепоезд «Спартак» и 3-й Советский полк, Дыбенком посланный на подкрепление.

Командиры не замедлили явиться в штаб и дали свое согласие выдать под арест своих комиссаров.

Они говорили: «Уж надоели они, право! Берите их и не отпускайте». Комиссары были арестованы и сидели в одном вагоне 2-го класса в купе рядом с нами. Подобные аресты прокатились по всей махновской территории и политкомы недоумевающе спрашивали: «В чем дело?»

3-й Советский полк, выгрузившись из вагонов, выступил на позицию, а «Спартак» уходил в сторону Юзово. На фронте чувствовалась подготовительная горячка со стороны противника, и надо было ожидать нового наступления.

В Гуляйполе ждали командукра и на его извещение о приезде Махно ответил: «На вашу телеграмму № 775 сообщаю, что знаю вас как честного, независимого революционера. Я уполномочен от имени повстанческо-революционных войск 3-й Заднепровской бригады и всех революционных организаций Гуляйпольского района, гордо держащих знамя восстания, просить вас приехать к нам, чтобы посмотреть на наш маленький свободно-революционный Гуляй-Поле – “Петроград”, прибыв на станцию Гуляй-Поле, где будем ждать с лошадьми»[375].

На ст. Пологи командукра встретили комиссары, бежавшие от нас, которые стали его запугивать и предупреждать, рисуя страшную картину махновщины, объясняя таким путем свое дезертирство.

Но командукр трусам не доверял.

Вот как он описал свой визит в Гуляйполе:

«Лихая тройка промчала нас к крепкому поселку Гуляй-Поле. Под звуки оркестра, игравшего Интернационал, перед фронтом загорелых партизан, навстречу комфронта вышел малорослый, моложавый, темноглазый, в папаше набекрень, человек. Остановился в паре шагов, отдал честь: “Комбриг батько Махно. На фронте держимся успешно. Идет бой за Мариуполь. От имени революционных повстанцев Екатеринославья приветствую вождя украинских советских войск”. Рукопожатие. Махно представляет членов Гуляйпольского исполкома и его штаба. Тут же политкомиссар бригады и старая знакомая Маруся Никифорова.

Обходим фронт. Основные части бригады в бою. Здесь — резервный вновь формирующийся полк и пара кавалерийских сотен.

Одеты кто во что, вооружение случайное, а вид бодрый и боевой. “Едят” глазами.

Выслушивают, в порядке, речь комфронта о значении нашей борьбы, о положении на фронтах, об ответственной задаче, лежащей на бригаде Махно; о необходимости железной дисциплины и покрывают ее криками “ура”.

Махно отвечает комфронту приветствием, несколько обидчиво отзывается о “несправедливых” обвинениях, нападающих на “повстанцев Екатеринославья”, отмечает их победы и обещает новые, “если будет поддержка оружием и обмундированием”.

(Голос не сильный и слегка, сиплый, говор мягкий — в общем, не большой оратор, но как его слушают!).

Переходим в штаб бригады.

Краткая инспекция штабных отделов благоприятна. Чувствуется рука спеца (начштаба Озерова)...

К вечеру 23-го части бригады после сильного боя заняли Волноваху, Каран, Кальчик и Мангуш. Развив сильный напор, наши сейчас уже под Мариуполем. Как раз во время доклада пришло сообщение, что мы вновь заняли этот город и порт, захватив в плен 1-й сводный полк противника.

Но развить успех нечем. “Сформировать можно бы пару дивизий, но нет вооружения, патронов, обмундирования”. Соседние части — 9-я резервная дивизия — “панически настроена, ее командный состав — белогвардейцы”.

А Дыбенко требует в Крым 1-го ударного и 3-го резервного полков.

Комфронта вступается за соседей и указывает, что напротив, соседи говорят об антисоветском поведении “махновцев”.

Махно и его штабные горячо возражают: конечно, возможны отдельные выходки, но повстанцы уважают красную звезду, погромы караются смертью.

“Ложь, что мы бежали из-под Мариуполя... Наши передовые части были уже в 27 верстах от Таганрога и в 3 от Кутейниково” и в доказательство — письменные донесения с фронта: “Бежала соседняя 9-я и погиб окруженный, не сдаваясь, наш полк у Кутейникова”.

И затем следуют жалобы (и столь основательные) на отсутствие снабжения: нет ни денег, ни оружия, ни патронов, ни обмундирования. Бригада получила в свое время от П. Дыбенко 3 000 итальянских винтовок с небольшим количеством патронов к ним; теперь — за израсходованием патронов — эти винтовки превратились в холодное и неудобное оружие.

Все остальное вооружение и обмундирование добыто с боя. Захвачено несколько исправных орудий, из которых сформирован артиллерийский дивизион, есть еще 7 орудий без замков.

Никакого телефонного имущества, шанцевого инструмента. Полное отсутствие какой-либо санитарной поддержки. Если что-либо создано, то собственными средствами.

Бандитизм? Но вот он главный бандит. Шаркают по полу тяжелые движения. Широкий обрубок человека, переваливаясь на остатках ног медленно приближается к нам. Улыбаясь широким плоским лицом, батько Правда протягивает нам корявую свою руку. Это про него-то развивались панические слухи — коммунистов режет, свергает советскую власть, погромщик? Батько Правда давно уже такой калека. Но он лихой боец и убежденный анархо-коммунист. Собственноручно застрелил несколько погромщиков.

“Преследование политкомиссаров? Изгнание их?! Ничего подобного! Только нам надо бойцов, а не просто болтунов. Никто их не гнал. Сами поутикали... Конечно у нас много идейных противников ваших, так давайте спорить”...

(Этот отзыв тут же подтверждает политкомиссар бригады). И опять туча жалоб на “провокации” местных властей, тыловых чрезвычай, хлебных “экспедиций” и т. п.

В Александровске арестовали анархистов, очевидно, только потому, что у них останавливалась полтора года назад Маруся Никифорова.

Среди разговоров переходим в “половину”Махно. Простая, но обильная еда, какая-то красивая наливка. Махно заявляет, что не любит пить и пьянство преследует... Исполкомщики хвалятся большой работой, по их словам Гуляй-Поле имеет три средних школы “образцово поставленных”. Развиты детские сады, “деткоммуны”. По этой линии Махно направил Марусю Никифорову, решив не подпускать ее к военной работе.

Организованы 10 военных госпиталей. В них свыше 1 000 раненых. Но нет ни одного опытного врача.

Мы посетили несколько госпиталей. Просторные горницы какого-то барского особняка заполнены однообразными койками. Чисто и опрятно...

Командукр беседует с Махно с глазу на глаз...

Он, Махно, считает себя “вольным коммунистом”, не анархистом; большевики ему ближе анархов. До решительной победы над белогвардейщиной должен быть установлен единый революционный фронт, и он стремится не допускать обострения междуусобицы среди различных элементов этого фронта. Но... И тут опять конкретные факты больших и маленьких обид.

В заключение крепкое пожатие с прямым взглядом в лицо — пока я, Махно, руковожу повстанцами, антисоветских действий не будет, будет беспощадная борьба с буржуйными генералами».

Принимает спокойно и в деловом порядке извещение о переформировании частей его участка в дивизию под командованием Чикваная, с оставлением его (Махно) комбригом. Обязуется провести энергичную чистку ненадежных элементов, держаться утвержденных штатов и положений в воинских частях.

Вечером был еще один громадный митинг. Выступления комфронта, Махно и Маруси Никифоровой. Все выступления шли под лозунгом «всеми силами против общего врага – буржуйских генералов».

Резюмируя впечатления от Гуляйпольского района, мы телеграфировали (29 апреля):

«Пробыл у Махно весь день. Махно, его бригада, и весь район — большая боевая сила. Никакого заговора нет. Сам Махно не допустил бы. Район вполне можно организовать, прекрасный материал, но нужно оставить за нами, а не за Южфронтом. При надлежащей работе станет несокрушимой крепостью. Карательные меры — безумие.

Надо немедленно прекратить начавшуюся газетную травлю махновцев».

Командукр счел необходимым поддержать протест махновцев о газетной травле, он телеграфировал:

«Харьков. Редакция Известий Харьковского Совета. Копия предсовнарком Раковскому. Копия Гуляйполе комбриг Махно. Киев, члену Реввоенсовета Бубнову.

В номере от 25 апреля у вас помещена статья “Долой махновщину”. Статья полна фактической неправды и носит прямо провокационный характер. Подобные выпады крайне вредят нашей борьбе с контрреволюционным казачеством и добровольцами. В этой борьбе Махно и его бригада проявили и проявляют величайшую революционную доблесть, и они заслуживают не руготни официозов, а братской признательности всех революционных рабочих и крестьян.

Отдельные темные личности, прикрывающиеся именем Махно, не могут заслонить героического облика революционных полков и их вождя, неукротимо ведущих борьбу с проклятым врагом. В это ответственное время Красная Армия вправе требовать от рабочей печати побольше вдумчивости, тактичности и осторожности в суждениях о воинских частях. № 923. 29 апреля. Гуляй-Поле».

(К сожалению это успеха не имело. Кампания в нашей печати против «махновщины» продолжалась)[376].

Тогда же командукр указал командарм 2: «1. Не допускайте увода с фронта Махно 1-го ударного и 3-го резервного полков. 2. Из 1-го ударного, 3-го резервного и одного из 9 полков составьте 1-ю бригаду дивизии Чикваная, из 15-го, 16-го и Черноморского (из Николаева) 2-ю бригаду и 3-ю Махно. 3. Из Харькова затребуйте легкий артиллерийский дивизион (без лошадей), чтобы передать этой дивизии. 4. Из Николаева — взвод гаубичных. 5. Ели у вас нет готовых хоть в зародыше штаба дивизии, батальона связи, инженерного батальона, то вы зря проворонили время. 6. Надо в самом спешном порядке начать сосредоточение всей дивизии и 5-го кавалерийского полка для закрепления успеха и, по возможности, для его развития. (5-й кавалерийский полк только что был переброшен нами к Махно из-под Киева).

Ставится вам на вид крайняя запущенность 3-й бригады (т. Махно). Бригада не получает совершенно никакого снабжения.

Ввиду перехода ее в новое соединение, немедленно во внеочередном порядке: 1. Снабдите ее деньгами (не менее 4 000 000). 2. Выдайте хоть сколько-нибудь обмундирования, шанцевого инструмента (хоть полштата), 27 походных кухонь, телефонного имущества (хоть полштата). 3. Немедленно доставьте семь трехдюймовых орудий без замков. 4. Для 3 000 итальянских винтовок боевой комплект патронов. 5. Ввиду крайней скудности санитарных средств бригады, немедленно командуйте двух врачей хирургов и двух по внутренним, направьте медикаментов, перевязочных средств, белья и простынь на тысячу раненых. 6. Для закрепления нашего положения на линии Доля-Мариуполь, немедленно направьте в распоряжение Махно еще один бронепоезд»[377].

— Ко мне с инспекцией прибыл командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко, поднимает вопрос по поводу арестов комиссаров — сообщал 29 апреля 1919 г. по телеграфу Махно.;

— Умный, порядочный человек, прямо приятно быть у такого подчиненным. Он чуть не плачет и говорит, что «если вы не освободите арестованных, то можете арестовать и меня, иначе я от вас не уеду». Что нам делать, как по-твоему? — спрашивал Махно.

— Если он умный и порядочный, то отношения надо строить на честности и доверии, — отвечал я. Своих арестованных я освободил на следующий день, как только уехали контрразведчики. Я сказал об этом Махно, который ругался как сапожник.

— Ну что же, тогда всех надо освободить? А тебе непростительно, ты сорвал кампанию! — говорил он.

Махно ошибался. Освободил комиссаров не только я, освободил их и Куриленко, ибо преступно было держать товарищей под арестом по глупому постановлению союза анархистов.

— Антонов дает слово выслать нам оружие, обещает повлиять на Чека относительно освобождения арестованных анархистов, и, наверное, мы решим освободить и ихних, — продолжал Махно. — В первую очередь он должен освободить из Екатеринославской тюрьмы наших ребят, а потом из Харьковской.

Неделю тому назад в Гуляйполе было заседание анархистов и левых эсеров по вопросу связи с Григорьевым.

Отряды херсонского формирования, восставшие против Петлюры, в конце декабря 1918 г. входили в 1-ю Заднепровскую Советскую Украинскую дивизию Дыбенко, как бригада под командованием Григорьева, которая, начиная с января 1919 г., занимала фронт от 50 до 120 верст. Григорьевым тогда руководила эсеровская ячейка в лице Еланского[378], то есть повстанком. В бригаде Григорьева было то, что было у Махно, но в миниатюре и весьма скрыто.

Советское правительство восхищалось его подвигами и в средних числах апреля оттянуло в тыл и разрешило ему развернуться в 6-ю советскую дивизию в надежде бросить ее нам на помощь или на румынский фронт. Григорьев входил в состав 3-й Красной Украинской армии, занявшей побережье Черного моря, упираясь правым флангом в г. Тирасполь. Штаб Григорьевской дивизии стоял в г. Александрии — резиденции атамана.

Будучи в Одессе, Григорьева обрабатывали против большевиков петлюровцы. Но он не решился изменить. По приезду в Александрию, столкнулся с продкомиссиями и большевистскими ячейками, встретился с эсерами, приехавшими из «Махновии», и начал готовить восстание. Он живо интересовался махновщиной и, видимо, целиком поддерживал антивластническую пропаганду.

Когда же на донецком фронте наши дела были неважные, командование предложило Григорьеву выступить на фронт. Но он отказался, мотивируя, что не знает, за что воюют донцы, желая с ними разрешить спорные вопросы мирным путем.

Анархо-эсеры сблизили Григорьева с махновщиной, и на 24 апреля 1919 г. в городе Екатеринославе должно было состояться заседание обеих сторон. Из Гуляйполя были делегированы члены штаба и ВРС — Горев, Венгеров и Коваль, от эсеров — Серафимович, Черепанов и еще кто-то, не помню фамилии. Но собрание было провалено и предисполкома города Екатеринослава Аверин, арестовал всех. Вот теперь и шел разговор относительно их освобождения.

С Антоновым конфликт был улажен, и, кажется, что мы получили от него пару миллионов рублей денег, а немного погодя, 100 000 штук ружейных патронов. Вопросам снабжения стали уделять больше внимания.

На упреки Троцкого за промедление в исполнении приказов о поддержке Южфронта командукр ответил: «... Под Мариуполем части Махно разутые, не имевшие четыре месяца передышки, отступили только после бегства 9-й дивизии. Теперь вновь идут вперед, получив от нас пока два полка поддержки. Части Укрфронта достойны лучших частей других фронтов. Безоговорочно согласен: все на Ростов, так дайте мне со всем организационным военным и партийным аппаратом действовать на Ростов. Толкотня в Донбассе губит Донбасс, рабочий район почти умер. Давно прошу: Дайте мне Гришинское или Волновахское направление, подсекающее Донбасс, и успех обеспечен. Уходя от Укрфронта, части потеряют половину боеспособности. Во мне говорит знание местных условий и сознание своего влияния на укрчасти. Не сбрасывайте со счетов меня, нашей военной и политической организаций, используйте их целиком»[379].

На предложенную новую разграничительную линию с Южфронтом: Купьянск-Чаплине-Ногайск (исключительно) командукр протестовал (28 апреля) перед укрправительством и РВСР:

«Для нас это абсолютно неприемлемо... Отдача частей Южфронту разложит наши части, еще слишком молодые для перемены командования, и расстроит аппарат снабжения их. Ни мое, ни моих подчиненных влияние, ни влияние партии не сможет быть действительно использовано. Политические и экономические последствия... также явно пагубны. Перед лицом величайшей исторической ответственности прошу поддержать меня и добиться, если не передачи нам всего Донбасса, то разграничительной линии Волноваха-Кутейниково включительно»[380].

Троцкий отвечал 30 апреля:

«Ваши соображения, будто украинские войска способны сражаться только под украинским командованием, являются продуктом нежелания глядеть в глаза действительности. Бурный период революции, чрезвычайно облегчая победу, затрудняет устойчивое формирование. Махновцы отступают на Мариупольском фронте не потому, что подчинены Гиттису, а не вам, а потому, что столкнулись с более серьезным противником, чем петлюровцы. Если я вас поддерживал против всех зложелателей, то считаю с другой стороны совершенно недопустимо играть в прятки с фактами. Главный враг в Донецком бассейне, нужно передать туда главные силы.

Нужно проделать над ними и те огромные организационные воспитательные работы, которые были проделаны на всем Южном фронте, где немало украинских партизан, которые раньше панически отскакивали, а потом научились бить. Всякое промедление в деле сосредоточения сил в Донецком направлении явилось бы жесточайшим преступлением перед республикой»[381].

Командукр возразил:

«Совсем не трудно было бы узнать, что 1) мною предпринимались и предпринимаются все меры к перерождению повстанческих частей в регулярные; 2) но ни Москва, ни Наркомвоен мне почти ничем в этой организационной работе не помогли; 3) тем не менее, на Украине сложились великолепные кадры для будущей армии, которые мобилизация должна обернуть новыми бойцами; утверждение о дешевых победах на Украине — смешная выдумка людей, весьма далеких от военной работы на Украине. Не потрудившись над этим, вы осудили всю мою военную работу и произвели это осуждение в крайне резкой форме.

Чувство возмущения во мне очень сильно. Память подсказывает мне бесконечное количество фактов, свидетельствующих, с каким трудом рождалась нынешняя армия в России и как далека она и посейчас от того, к чему мы стремимся»[382].

Обеспокоенный ломкой Украинского военного аппарата командукр писал: «Мы знали о чрезвычайной организационной слабости Южного фронта, поэтому и опасались передачи в его ведение несложившихся частей»[383].

Да и трудно было управлять массой, у которой руководители еще не стали авторитетом. Об этом свидетельствует доклад военкома г. Александровска Председателю Высшей Военной Инспекции о политическом положении Александровского уезда и работе Агитпросвета за истекшую неделю, то есть с 26 апреля по 3 мая 1919 г.:

«Политическое положение уезда за истекшую неделю изменилось к худшему и стало довольно угрожающим: Исполком Военно-Революционного Совета Гуляй-польского района объявил мобилизацию за 10 лет: с 1889 по 1898 г. включительно. День мобилизации с 27 апреля.

На отправленную Уездвоенкомом в штаб батько Махно телеграмму о приостановлении объявленной мобилизации — получена на имя Военкома т. Гоппе[384] телеграмма следующего содержания:

“Штаб батько Махно в ответ на ваше предложение приостановления мобилизации в Гуляйпольском районе Исполком Реввоенсовета извещает, что так как мобилизация эта производится самим трудовым народом через свой районный орган — Военный Совет, то Исполком такого права не имеет узурпировать права народа, а потому объявление о мобилизации оставляет в силе. Со своей стороны Исполком не видит вреда для общего революционного фронта, считая лишним вам это доказывать, так как недалекое будущее покажет, кто из нас стоит на ложном пути. За председателя Исполкома Черно книжный”.

Означенной мобилизацией окончательно разрушается план предстоящей общей мобилизации. Кроме того, мобилизация эта увеличивает в уездах как бандитизм, так и засилие анархистов и левых эсеров.

27 апреля брат батько Махно, явившись с отрядом в село Рождественку, разогнал волостной военный комиссариат, а ночью на 1 мая военного комиссара тов. Велика увезли неизвестно куда и о его судьбе до сих пор сведений не имеется.

28 апреля агитаторами Агитпросвета было посещено село Гуляй-Поле. При Совете существует Военная Колегия, организованная Военно-Революционным Советом. В волостном Совете есть люди, сочувствующие партии, но преобладает кулацкий элемент. Спекуляция в Гуляй-Поле процветает. О создании комбедов не приходится и думать. 26 апреля в Гуляй-Поле организована база для снабжения литературой Гуляйпольского района при отделе Народного образования, заведующий которой сочувствует коммунистической партии.

29 апреля — село Воздвиженка. Сельский Совет организован неправильно: члены Совета находятся не как выборные, а за “отбуч”, то есть исполняют своего рода повинность. Собрать сход, чтобы объяснить неправильность этого, не представилось возможным, потому что был какой-то праздник и почти все были пьяные. На другой день все же был созван сход, на котором разъяснена неправильная организация Совета. Выяснено, что создать комбед здесь невозможно, так-как почти сплошь все население оказалось кулацким, беднота же почти не бывает на сходах.

30 апреля — село Рождественка. Местное население на сходе 27 апреля большинством 427 голосов, против 4 голоса и 20 воздержавшихся постановило: “Власть на местах”. Утром 1-го мая был устроен митинг по поводу 1-го мая. Митинг был сорван прибывшими из Гуляй-Поля анархистами во главе с батькой Правдой и 2-мя кавалеристами, которые стояли во время речи тт. анархистов сзади толпы, при чем настроение толпы от этого сразу изменилось в худшую для нас сторону.

По пути выяснено, что положение Военкома в Заливянской волости такое же почти как и в Рождественской: ожидает каждую ночь что “украдут” его бандиты. Волостной Совет составлен здесь довольно удачно.

Население Гуляйпольского района сильно терроризировано бандитскими выступлениями людей, называющих себя партизанами. Процветает гонка самогона. Голоса бедноты на сходах совершенно не слышно. В партию анархистов прибывают из Великороссии новые силы. Население в своей массе зажиточное, мало сочувствует идеям коммунизма и хватается за анархистов и левых эсеров, думая спасти этим свою собственность. Необходима в этом районе планомерная работа по возможности крупными партийными работниками, так как другие партии располагают довольно большими силами...»[385].

О политическом состоянии красных войск можно судить по секретной сводке от 30 апреля 1919 года, следующим образом характеризующим настроение в полках 2-й дивизии Украинской Красной армии:

«6-й полк. — В полку сильно развит антисемитизм. Красноармейцы настроены антикоммунистически. Развиты пьянство и картежная игра. Красноармейцы производят самочинные обыски и реквизиции. Отсутствует дисциплина. Виновником во всем этом является командный состав. Отношение командного состава к народному имуществу совершенно недопустимое: никакой описи имущества в полку нет. На полковом митинге раздавались призывы к оружию против коммунистов и евреев. Среди красноармейцев раздавались возгласы: “Да здравствует батько Махно!”, “Да здравствует черное знамя!” Многие красноармейцы носят черные ленты. Улучшить положение полка можно лишь путем тщательной чистки командного состава.

Отношение командира полка Киселя к политкому недопустимое: многие приказы издаются без ведома политкома.

8-й полк. — В полку имеется много темного элемента. В 3-м батальоне красноармеец Осинский объявил себя анархистом и повел антисемитскую агитацию. Весь батальон был на стороне Осинского. При попытке арестовать его батальон отказался выдать его»[386].

Точно такие же настроения подтверждает сводка частей 1-й Красной дивизии: «Находящиеся в отпуску солдаты бригады Богунского агитируют против “москалей” и нынешней власти»[387].

Таким образом, уже к концу апреля вся деревня настроена антисоветски. Деревня недовольна, деревня местами бунтует, но еще не собралась с силами и не выступила активно против Советской власти.

2-го мая 1919 г. командукр писал в своем заявлении Х. Раковскому: «Непосредственным ознакомлением убедился и утверждаю, что: 1. Сам Махно и главные его боевые работники и его полки проникнуты желанием сломить контрреволюционное казачество и офицерство. 2. Махно и Маруся Никифорова ведут агитацию за создание “единого революционного фронта” против контрреволюции. 3. К левоэсерам относится отрицательно. 4. Нашу партийную литературу Махно допускает и политических комиссаров принял. 5. Выборное начало в частях постепенно изживается, полковые комитеты приказом № 12 сведены на роль хозяйственных комиссий. 6. К агитации против советской власти Махно не причастен, на 3-м съезде в Гуляй-Поле не был, резолюции съезда не подписывал. 7. Против погромной агитации выступает в печати. 8. Марусю Никифорову к военному делу не подпускает, находя, что ее место — дела “милосердия”. 9. Махно и его штаб живут крайне скромно; бандитизма незаметно. 10. Организационная работа в районе заметна: налаживаются детские коммуны, школы, Гуляй-Поле один из самых культурных центров Новороссии: здесь три среднеучебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыто до 10 госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия и выделывающая замки к орудиям. 11. Раненые лежат с проясненными лицами и рвутся в бой; слабостью командного состава объясняется недостаточная боеспособность некоторых частей. 12. Силы Махно: 4 полка до 6 000 штыков, до 20 пулеметов, 5 трехдюймовых, 2 сорокадвухлинейных, 2 сорокапятилинейных орудия, один бронепоезд, патронов очень мало, половина винтовок итальянские; обмундирование крайне скудно, половина людей босые, 8-й полк довольно скверно дисциплинирован. 13. Состав частей — все бывшие солдаты; кадр великолепный —

